

UNIVERZITA KARLOVA

Filozofická fakulta

Ústav východoevropských studií

Bakalářská práce

Alexandra Geints

**Концепция личности и
государственности в повести
А.П. Платонова «Котлован»**

Concept of Individuality and the State
in Andrey Platonov's prose
«Kotlovan»

Vedoucí práce: Mgr. Hana Kosáková, Ph.D.

Praha 2023

Poděkování

Děkuji především své školitelce, Mgr. Haně Kosákové, Ph.D. za její cenné rady, vstřícnost a čas, který mi věnovala. Dále bych chtěla poděkovat svým rodičům a všem svým přátelům za jejich podporu a důvěru, jež motivovali mě ke studiu.

Prohlašuji, že jsem bakalářskou práci vypracovala samostatně, že jsem řádně citovala všechny použité prameny a literaturu a že práce nebyla využita v rámci jiného vysokoškolského studia či k získání jiného nebo stejného titulu.

V Praze dne 08. 05. 2023

Абстракт

Данная работа посвящена проблеме взаимоотношений личности и тоталитарного государства в творчестве писателя А. П. Платонова на примере повести «Котлован». В работе будет представлен взгляд на исторический контекст. Целью работы является определение типа идентичности героев повести с точки зрения их отношений с идеологией и обществом, их мотиваций и деятельности.

Abstrakt

Tato práce je věnována problematice vztahu jedince a totalitního státu ve tvorbě A. P. Platonova na příkladu prózy "Kotlovan". V práci bude ukázan historický kontext. Cílem práce je určení typu identity hrdin prózy na základě charakteru jejich vztahu s ideologií a společností, jejich motivací a činností.

Abstract

This bachelor's thesis deals with the topic of the relationship between an individual and the totalitarian state in Andrey Platonov's work, based on his novel "The Foundation Pit". This work will offer a perspective on historical context. The aim of this work is to pinpoint the type of the characters' identity based on their relationship with ideology and society, their motivations and actions.

Ключевые слова: Андрей Платонов, Котлован, личность, тоталитаризм, русская литература

Klíčová slova: Andrej Platonov, Kotlovan, osobnost, totalita, ruská literatura

Key words: Andrey Platonov, Kotlovan, individuality, totalitarianism, Russian literature

Содержание

Введение	7
Глава 1. Исторический и литературоведческий контекст.....	11
Глава 2. «Старый человек» в мире «Котлована».....	22
Глава 3. «Новый человек» в мире «Котлована».....	35
Заключение	47
Библиография.....	49

Введение

Андрей Платонович Платонов (1899-1951; настоящая фамилия — Климентов) — русский и советский писатель, поэт, журналист и драматург, чьё творчество получило большую известность за счёт своей самобытности, и по сей день привлекает внимание как исследователей, так и простых читателей. И хотя Платонов известен в первую очередь в качестве литератора, своим основным занятием он считал профессию инженера и мелиоратора, и некоторые моменты своей жизни был даже готов бросить занятие литературой¹.

Уникальность произведений Платонова во многом обеспечена парадоксальностью творчества и взглядов писателя. Кажущаяся простота формы в его прозе всегда сочеталась с глубиной смысла и обилием философского подтекста, а стремление к достижению идеала коллективизма осложнялось постоянными размышлениями о месте личности в этом мире. Сам писатель говорил о себе: «Мои идеалы однообразны и постоянны»². Этому свидетельствует целостность творческого наследия Платонова: даже при внешнем различии жанров, сюжетов и определённой эволюции его взглядов (о чём будет упомянуто далее в работе), существует целый ряд ключевых образов и тем, переходящих из одного произведения автора в другое; эта особенность была замечена как современной Платонову критикой, так и исследователями более поздних эпох. Карьера Платонова как писателя началась после Октябрьской революции, которая в значительной мере повлияла на его творчество. Платонов принял её с большим энтузиазмом, что можно заметить в его раннем творчестве, а в частности в публицистических статьях. Для них был характерен революционный максимализм с надеждами на полное переустройство мира и создание принципиально нового типа человека. Образы, характерные для проз Платонова, в том числе и «Котлована», начали формироваться ещё в самом начале карьеры писателя под влиянием этих идей. В начале 1920-х Платонов создаёт несколько научно-фантастических произведений, отразивших его революционные настроения, как например рассказ «Маркун» (1921) или рассказ «Потомки солнца» (1922). Обе прозы посвящены инженерам, стремящимся создать некое изобретение, которое способно изменить не только жизнь человечества, но и устройство самой природы; в обоих из них прослеживается мотив жертвования настоящим ради утопического будущего³. Характерно и то, что на пути к

¹ Платонов, А. П., Н. В. Корниенко. *Андрей Платонов: Я прожил жизнь. Письма. 1920-1950 гг.* Ред. Е. Д. Шубина. Наследие Андрея Платонова. Москва: АСТ, 2014. с. 337

² Платонов, А. П., Н. В. Корниенко. *Андрей Платонов: Я прожил жизнь. Письма. 1920-1950 гг.* Edited by Е. Д. Шубина. Наследие Андрея Платонова. Москва: АСТ, 2014. с. 191

³ Платонов, А. П., Н. А. Грознова. *Котлован: Текст, Материалы Творческой Истории.* Санкт-Петербург:

достижению цели и самому герою предстоит стать совершенно новым человеком: «Теперь я узнал, что я - ничто, и весь свет открылся мне, я увидел весь мир, никто не загроживает мне его, потому что я уничтожил, растворил себя в нем, и тем победил»⁴. Произведения Платонова имеют открытый финал, что можно интерпретировать как неудовлетворённость автора решением поставленных вопросов — в данном случае возможности переустройства мира, и средств, применяемых при этом. Эта тенденция будет присутствовать и в его более поздних прозах. С течением десятилетия государственная идеология претерпевала изменения, и на смену революционным мечтам приходила диктатура сталинской эпохи, которую Платонов не смог принять. Ближе к концу 1920-х скептицизм автора проявлялся все более отчётливо, что отразилось и в его творчестве, как например в повести «Епифанские шлюзы», написанной уже в 1926 году. Главным героем повести является английский инженер Бертран Перри, чьей задачей было предотвращение засухи в России. Однако попытки учёного радикально изменить окружающий мир не только не увенчались успехом, но и привели в итоге к его смерти.

В зрелой прозе Платонова нередко появляется так называемый «герой-странник»: персонаж, главным мотивом которого является поиск некой «истины», смысла жизни и своего места в мире. Главные герои наиболее знаменитых зрелых произведений Платонова, среди которых «Сокровенный человек», «Усомнившийся Макар», и, конечно, «Котлован», относятся именно к этому типу. Современная Платонову критика нередко обвиняла его в «анархизме», который, с её точки зрения, выражался в стремлении автора продемонстрировать внутренние переживания человека как отдельно взятой личности, нежели как части коллектива. Именно такой образ обделённого, задумавшегося «среди общего темпа труда» персонажа вызывал возмущение у советских критиков — он был совсем не похож на оптимистичного «героя труда», характерного для пролетарской прозы 1920-х. Многие из них воспринимали героев Платонова скорее как попытку автора создать негативные карикатуры: «Ряд персонажей по-разному выражают его [Платонова] основную мысль: “ориентация коммунистической партии, строящей в СССР социализм, на пролетариат и трудовое крестьянство — ориентация вздорная”»⁵.

Образы, описанные выше, легли в итоге в основу «Котлована». В отличие от ранних произведений Платонова, повесть «Котлован» приобретает значительно более мрачные

Наука, 2000. с. 8

⁴ Платонов, А. П., Н. М. Малыгина. *Усомнившийся Макар: рассказы 1920-х годов, стихотворения. Собрание / Андрей Платонов.* Москва: Время, 2011. с. 251

⁵ Платонов, А. П., Н. А. Грознова. *Котлован: Текст, Материалы Творческой Истории.* Санкт-Петербург: Наука, 2000. с. 11

черты: именно в ней отразилось окончательное разочарование Платонова в идеях революции. Основные действующие лица повести — это люди, которым не предполагается места в «новой жизни», поскольку им отведена роль жертвы, которая должна быть принесена ради будущего. В отличие от героев ранних проз Платонова, героями «Котлована» движет не энтузиазм, а скорее инерция: еще в самом начале повести Воцев отмечает, что «Все живет и терпит на свете, ничего не сознавая <...> Как будто кто-то один или несколько немногих извлекли из нас убеждённое чувство и взяли его себе».

Цель этой работы является попытка систематизации героев повести «Котлован»: герои будут разделены на две категории в зависимости от их положения в обществе, отношения к власти и идеологии; я проанализирую ключевые моменты в образах основных действующих лиц повести, а также интерпретировать символическое значение, вложенное в образ каждого из них. Внимание будет уделено и обстоятельствам окружающего мира повести и тому, каким образом описание времени и пространства выражает те или иные мотивы. Также в работе будут проводиться параллели и с биографией самого писателя — на основании материалов его писем, публикаций и воспоминаний современников. И хотя в настоящий момент не существует какой-либо целостной типологии героев Платонова, в своей работе я буду использовать материалы работ других исследователей, занимавшихся их рассмотрением и частичной концептуализацией.

В первой главе работы будет приведён общий литературоведческий, исторический и идеологический контекст, связанный с повестью: в том числе прозвучат цитаты современников, мнение критики и некоторые значимые детали из истории создания «Котлована». Я проанализирую жанровые особенности повести, в том числе в сравнении с типичными текстами «пролетарской прозы», а также её стиль и художественные средства, используемые автором. Также я расскажу об основных типах героев платоновских проз, выделяемых исследователями. Будут рассмотрены ключевые, с моей точки зрения, моменты в биографии и развитии мировоззрения писателя, повлиявшие на характер и смысл «Котлована».

Вторая глава будет посвящена так называемому «старому человеку» в мире «Котлована»: я дам основное определение данному типу, пользуясь текстами теоретиков марксизма, в главную очередь А. Луначарского, чьи идеи были близки Платонову. Также будет приведена короткая справка об особенностях восприятия коммунизма в русской культуре, и то, как это обстоятельство могло повлиять на взгляды автора «Котлована». Далее в главе будут проанализированы образы тех персонажей, которые могут быть

отнесены к категории «старого человека», и даны аргументы в пользу такого распределения. Будет рассмотрено значение имени каждого героя, его отношения с обществом, окружающим миром, а также его отношение к прошлому, будущему и настоящему — как личному, так и коллективному.

Подобным образом в третьей главе будет описан «новый человек» - концепт, который являлся ключевым для советской власти. Будет дано представление о том, какими чертами «человек будущего» наделялся в глазах большевиков, а также то, в чем заключаются ключевые особенности данного типа в «Котловане», которые отличают его от видения «генеральной линии» и от концепции «положительного героя».

Среди цитируемых авторов присутствуют публицисты, писатели, филологи и многочисленные исследователи: как современные, так и прошлых эпох, что даёт возможность ознакомиться с большим диапазоном различных мнений и провести более полноценный анализ.

Глава 1.

Исторический и литературоведческий контекст.

Повесть Андрея Платонова «Котлован» можно рассматривать как одно из наиболее самобытных произведений советской и русской литературы. Основной темой его являются события эпохи первой пятилетки (1928-1932) — начало индустриализации в городе, и коллективизации в деревне. И хотя Платонов в своём произведении следует историческим фактам⁶, повесть обладает аллегорическим характером и наполнена множеством образов-символов, споры о смысле которых ведутся по сей день. Однако, на мой взгляд, доминанта произведения — это его герои, их слова и взаимодействия друг с другом и окружающей действительностью. Именно поэтому в данной работе я хотела бы осуществить попытку проанализировать некоторые художественные особенности повести, пользуясь наработками других исследователей; главной моей задачей является рассмотрение того, каким образом раскрывается идентичность героев «Котлована» с точки зрения их отношений с государственной машиной, властью и её проявлениями, и какие литературные приёмы для этого используются. Также я попытаюсь дать более чёткое определения упомянутым мною концептам «личного» и «государственного», которые в данном случае пересекаются с понятиями «индивидуального» и «коллективного», пользуясь произведениями мыслителей и публицистов, как времён Платонова, так и современных.

Но прежде чем переходить к основной теме работы — анализу героев повести, необходимо ознакомиться с контекстом, в котором произведение создавалось, поскольку исторические события и постоянно изменяющиеся идеологические настроения в стране сыграли немаловажную роль в жизни А. Платонова. Его карьера в качестве писателя началась, в сущности, после Октябрьской революции, что в значительной мере повлияло на его творчество. Творчество Платонова конца 1910-х — начала 1920-х годов, а в особенности его работы в публицистике, как например в статьях «К начинающим пролетарским поэтам и писателям» (1919), «Коммунист принадлежит будущему» (1921) и пр., все ещё были полны духом революции и надеждой на переустройство мира, которое в будущем обеспечит благополучие «масс». Так чем же обусловлен скепсис, проявляющийся в его творчестве ближе к концу десятилетия? Н. Бердяев, например, выделял три возможные точки зрения на революцию: «1) революционная или контрреволюционная, т. е. людей, активно в ней участ-

⁶ Известно, что в 1929 году Платонов регулярно ездил в различные колхозы и совхозы по указаниям Наркомзема, что также делает его непосредственным свидетелем описываемых событий.

вующих, 2) объективно-историческая, научная, т. е. людей познавательного созерцающих, но в ней не участвующих, и 3) религиозно-апокалиптическая и историософическая точка зрения, т. е. людей принявших внутрь себя революцию, ее мучительно переживающих и возвышающихся над ее повседневной борьбой.⁷» С моей точки зрения, сам Платонов в течение 1920-х прошёл путь от первого до третьего пункта, что и отобразилось на характере его творчества. Свою роль в этом сыграли различные факторы: как в жизни страны⁸, так и в жизни самого писателя.

К числу этих факторов можно отнести и конфликт автора с литературным сообществом, в который тот был втянут в конце 1920-х – начале 1930-х годов. Именно по этой причине наиболее значимые и объёмные зрелые произведения Платонова — повесть "Котлован" и роман "Чевенгур", — были опубликованы лишь в конце 1980-х годов, хотя «Котлован», о котором пойдёт речь в этой работе, был закончен ещё в 1930-м году. Однако давление на автора оказывалось в главную очередь не со стороны партийного руководства, а скорее так называемых "идеологических надсмотрщиков" — термин, использовавшийся самим Платоновым⁹. В сущности, именно самобытность и неоднозначность произведений Платонова сыграла с автором злую шутку: в газетах и журналах регулярно появлялись критические статьи, авторы которых так или иначе стремились «разоблачить» его как скрытного «классового врага». Более того, многочисленность подобных статей была обусловлена и тем, что такой подход обеспечивал критикам повышение политического авторитета; критике подвергались не просто художественные особенности произведений — авторы статей претендовали на статус «разоблачителей клеветника советской действительности», усмотревших в произведениях скрытый вредоносный посыл¹⁰. Платонова обвиняли в том, что тот «прикидывается безобидным чудаком, юродивым <...>», который «режет "правду-матку"», однако на самом деле является «хитрым, пронырливым классовым врагом», который скрывается за «"маской душевного бедняка", заботящегося о народе»¹¹.

В 1929 году руководитель Российской ассоциации пролетарских писателей Л. Авербах написал разгромную статью о рассказе Платонова "Усомнившийся Макар", в

⁷ Бердяев, Николай. *Истоки и Смысл Русского Коммунизма*. Москва: Наука, 1990. с. 53

⁸ Например, засуха и последовавший за ней голод 1921 года, о чём сам Платонов писал: «Засуха 1921 г. произвела на меня чрезвычайно сильное впечатление и, будучи техником, я не мог уже заниматься созерцательным делом — литературой».

⁹ Малыгина Н.М. *Художественный мир Андрея Платонова*. Учебное пособие.— М.: МПУ, 1995.— с.5

¹⁰ Платонов, А. П., Н. В. Корниенко. *Андрей Платонов: Я прожил жизнь. Письма. 1920-1950 гг.* Ред. Е. Д. Шубина. Наследие Андрея Платонова. Москва: АСТ, 2014. с. 353

¹¹ Там же.

которой тот был назван "идеологическим отражением сопротивляющейся мелкобуржуазной стихии", что негативно сказалось на репутации писателя.¹² Тем не менее, рассказ был напечатан в журнале "Октябрь", редактором которого на тот момент являлся А. Фадеев. Позже Фадеев писал, что за «идеологически двусмысленный рассказ А. Платонова "Усомнившийся Макар" <...>» ему «поделом попало от Сталина»¹³.

В 1931 году ещё одно произведение Платонова подверглось жёсткой критике: при помощи уже упомянутого Фадеева в журнале «Красная новь» была опубликована «бедняцкая хроника» — повесть «Впрок». Повесть стала предметом бурного обсуждения и жёсткой критики. Обсуждение повести Платонова происходило в присутствии членов Политбюро, где Сталин назвал её «кулацкой» и «антисоветской». Позже сам Фадеев написал статью «Об одной кулацкой хронике»¹⁴, в которой Платонов был объявлен «идеологом кулачества»¹⁵.

Конфликт автора с литературным сообществом и партийным руководством можно охарактеризовать следующей цитатой из одной критической статьи: « <...> автор настойчиво, от рассказа к рассказу, навязывает нашей современности чуждые ей конфликты, нашим людям — несвойственные им страдания и „радости“. Платонов в своём творчестве касается значительных и важных тем. Он пишет о преодолении одиночества, о дружбе, любви, жизни и смерти. Однако в своей трактовке названных тем А. Платонов идёт не от глубокого проникновения в сущность новых, складывающихся в нашей стране человеческих взаимоотношений, а от дурных традиций декадентской и индивидуалистической литературы»¹⁶. Сейчас, когда Платонов является одним из наиболее популярных для исследования авторов в литературоведческой среде, нам известно, что его подход к созданию литературных образов и описанию человеческих взаимоотношений отличался своей неоднозначностью и более тонким взглядом на внешний и внутренний мир героев, что вдобавок осложняется непростыми для интерпретации художественными приёмами. Как об этом писал сам Платонов в одном из своих писем в редакцию газеты «Правда» в ответ на критику, «<...> я не герой своего рассказа, а всего лишь автор его, старающийся дать полную "волю" изображаемым людям, дабы их тем лучше читатель увидел и ориентировался»¹⁷.

¹² Малыгина Н.М. Художественный мир Андрея Платонова. Учебное пособие.— М.: МПУ, 1995.— с.6

¹³ Там же.

¹⁴ Малыгина Н.М. Художественный мир Андрея Платонова. Учебное пособие.— М.: МПУ, 1995.— с.6

¹⁵ Там же.

¹⁶ Б. Костелянец. Фальшивый гуманизм: [О сб. рассказов А. Платонова "Река Потудань"]. Журнал "Звезда" No2. 1938. С. 255

¹⁷ Платонов, А. П., Н. В. Корниенко. *Андрей Платонов: Я прожил жизнь. Письма. 1920-1950 гг.* Ред. Е. Д. Шубина. Наследие Андрея Платонова. Москва: АСТ, 2014. с. 301

Однако в эпоху, когда с точки зрения партии литература должна была обладать выраженным идеологизированным характером, это "отклонение" было воспринято как проявление враждебности в сторону режима.

Тем временем, в 1920-е годы в советских литературных кругах шла активная дискуссия о том, каким именно образом должна выглядеть «пролетарская литература». Однако общепринятым мнением было то, что доминантой в современных литературных произведениях должно быть описание труда, а в частности труда в том его виде, который способствует «общим усилиям в построении социализма»¹⁸. В эту эпоху становятся популярными так называемые «производственные очерки» - впечатления писателей от посещения ими заводов и строек. А. Платонов также сделал некоторый вклад в развитие этого жанра¹⁹. Однако как критики, так и сторонники данного жанра сходились во мнении о том, что описание трудовой деятельности как таковой является недостаточным. От автора также требовалось быть убеждённым коммунистом, а в текст было необходимо вносить идеологический элемент, демонстрируя то, как коллективный труд рабочих способствует построению будущей утопии²⁰. Эта идея легла в основу жанра «производственного романа». На первый взгляд «Котлован» по своей структуре и затронутой тематике во многом подобен образчикам «производственной прозы» 1920-х годов. В пример можно привести роман Ф. Гладкова «Цемент», который был одним из первых и наиболее влиятельных произведений в данном жанре. Многие сюжетные мотивы из романа позже стали распространёнными клише в советской литературе, и некоторые из них можно заметить и в «Котловане».

Главный герой романа, Глеб Чумалов, — ветеран Гражданской войны. После демобилизации он возвращается в свой родной посёлок в надеждах вернуться в привычную жизнь. Однако за время отсутствия Глеба в упадок пришел как посёлок, так и завод, на котором он в прошлом работал. Теперь территория заброшенного завода зарастает травой, на которой пасутся козы²¹. За несколько лет отсутствия Глеба в связи с революцией изменился и жизненный уклад, что создавало дополнительные сложности — например, ему трудно найти общий язык с женой, которая теперь имеет свои независимые взгляды и активно участвует в деятельности местного женотдела²². Глеб замечает убогость и бессмысленность жизни бывших рабочих, и делает вывод, что исправить ситуацию сможет

¹⁸ Seifrid, *A Companion to Andrei Platonov's The Foundation Pit*. с. 106

¹⁹ Например: статьи «Огни Волховстроя» (1924), О работе по электрификации сельского хозяйства в Воронежской губернии (1924) и др.

²⁰ Seifrid, *A Companion to Andrei Platonov's The Foundation Pit*. с. 107

²¹ Примечательно, что начале повести Воцев спит на заросшем пустыре, предназначенном под рытьё котлована.

²² Женский отдел - коммунистическая организация по работе среди женщин.

лишь запуск завода. Тогда он самостоятельно проявляет инициативу и организует местных рабочих на реконструкцию завода, привлекая к работе также и инженера, когда-то спроектировавшего этот завод. Вскоре рабочие принимаются за постройку механизма для поставки древесины и почти заканчивают его, однако работа была прервана нападением бандитов, которые убивают двух рабочих и уничтожают постройку. Тем не менее, несмотря на все тяготы, работа завода была налажена: торжественный пуск завода произошёл в день четвёртой годовщины Революции, в честь чего был собран праздничный митинг. Таким образом, роман изображает факт коллективного труда при восстановлении завода и его последующей эксплуатации, способность пожертвовать собой ради коллективного благополучия, как связующее вещество ("цемент") для нового общества: заполненной оказывается как буквальная пустота заброшенного завода, так и фигуральная пустота в жизни рабочих.

Подобно главному герою «Цемент», Воцев так же лишается своего прежнего места в жизни и пытается найти новое, отправившись на место стройки; однако в этом заключается главное и, пожалуй, единственное сходство главных героев двух произведений. В то время как герой Глеб активно действует и проявляет энтузиазм, Воцев — думает и сомневается. Главным мотивом произведения так же является некая «великая стройка», и процессе некоторые герои так же становятся жертвами «врагов» (в случае «Цемент» - убитые бандитами рабочие, в «Котловане» - Сафронов и Козлов, убитые в колхозе). Однако тогда как герои «Цемент» достигли поставленной цели, в повести Платонова труд рабочих не приводит ни к каким результатам. Сам факт труда оказался недостаточным для обретения героями жизненного смысла, их жертвы оказались бессмысленными; погибла также и девочка, символизировавшая собой надежды героев на будущее²³. В отличие от оптимистичной концовки «Цемент», финал платоновской повести остаётся открытым: котлован лишь увеличивался в размерах, но так и не был построен; напротив, в стройку будет вовлечено ещё больше людей: «Мужики в пролетариат хотят зачисляться, — ответил Воцев. — Пускай зачисляются, — произнёс Чиклин с земли. — Теперь надо ещё шире и глубже рыть котлован»²⁴. Таким образом, структурное и тематическое сходство «Котлована» с произведениями «производственной прозы» является поверхностным. Как об этом отзывается исследователь В. Вьюгин, «стилевая и мировоззренческая "инаковость" Платонова, неизменно проявляющаяся даже при воплощении "заказных" тем, возводит его

²³ Интересно заметить, что в романе «Цемент» в детдоме погибает дочь главного героя, однако в произведении этому обстоятельству не придаётся большого значения. В «Котловане» же упоминается «усадебка, в которой приучали бессемейных детей к труду и пользе», однако никто из героев даже не думал отправить туда Настю.

²⁴ Платонов, А. П. Чевенгур: Роман; Котлован: Повесть. Ред. Н. М. Малыгина. Москва: Время, 2011. С. 533

тексты на уровень экзистенциальной рефлексии, когда проблемы социального и классового порядка трансформируются в проблемы противостояния человека как личности безличию мира <...>»²⁵. Платонов скорее деконструирует жанр «производственной прозы», пользуясь типичными клише 1920-х и придавая им противоположное изначальное значение.

Здесь важно также обратить внимание на то, каким языком написана повесть. Для прозы Платонова в целом характерен нарочито примитивный, "косноязычный" стиль написания, кроме того изобилующий идеологическими клише своей эпохи (например: «гни капитализма», «урод империализма», «пролетарская совесть» и т.п.). Н. Дужина пишет об этом следующее: «Платонов пародирует язык своей эпохи, а не подчиняется ему. <...> Так, например, платоновская фраза "в руках стихийного единоличника и козёл есть рычаг капитализма" воспроизводит один из многочисленных оборотов времени, в свою очередь восходящих, вероятно, к работам классиков марксизма ленинизма, например: "самообложение – рычаг культурной революции"».²⁶ На мой взгляд, эта художественная особенность произведения наиболее отчётливо демонстрирует то, как идеология является определяющим фактором в жизни и мышлении человека в мире "Котлована".

Как мы уже выяснили, повесть нельзя отнести к жанру «производственной прозы». В действительности же жанровая принадлежность повести до сих пор остаётся предметом споров в среде исследователей. В настоящий момент встречаются следующие определения:

- "мнимая реализация утопии" (Э. Маркштейн),
- "испытание утопии" (М. Геллер),
- антиутопия (Н. Полтавцева, В. Верин, Б. Ланин),
- утопия (Ш. Золотонос),
- метаутопия (Х. Гюнтер, Г. Морсон),
- "диалог утопии и антиутопии" (Б.Толстая-Сегал, Т.Лангерак, В.Ристер)²⁷.

Как можно заметить, большинство исследователей сходится в том мнении, что повесть обладает утопическими чертами, однако каждое из вышеупомянутых определений наделено разным смыслом. Наиболее интересными для нас являются такие определения, как

²⁵ Платонов, А. П., Н. А. Грознова. *Котлован: Текст, Материалы Творческой Истории*. Санкт-Петербург: Наука, 2000. с. 13

²⁶ Дужина, Наталья Ильинична. Путеводитель по повести А.П. Платонова «Котлован»: Учебное пособие. Школа вдумчивого чтения. Москва: Издательство Московского университета, 2010. с. 49.

²⁷ Малыгина Н.М. Художественный мир Андрея Платонова. Учебное пособие.— М.: МПУ, 1995.— с.8

«метаутопия» и «диалог утопии и антиутопии», которые обладают схожим значением. Так, по определению Г. Морсона, метаутопия — это «тип текста, который принципиально открыт и в котором утопические и антиутопические элементы, сталкиваясь, сосуществуют, и при этом ни один из них не доминирует. Утопия пародируется антиутопией, и наоборот»²⁸. В принципе основным элементом композиции повести, который позволяет усмотреть в ней как утопические, так и антиутопические черты, является мотив строящегося дома. Здесь мы видим образ будущего, основу для которого — котлован — подготавливают герои повести.²⁹ На мой взгляд, наиболее уместно для сравнения здесь было бы вспомнить современный для Платонова «величественный храм жизни», описанный А. Луначарским³⁰ в «Основах позитивной эстетики», где «поколение трудится вслед за поколением, но где пока видна лишь груда камней, ямы с цементом, стропила, листы железа, очерк фундамента на земле <...>»³¹. Можно предположить, что такая жанровая неоднозначность зрелых произведений Платонова обусловлена переменами в мировоззрении самого писателя. Как уже было сказано выше, в течение 1920-х годов Платонов прошёл путь от революционного идеализма до скепсиса, вызванного реалиями эпохи сталинизма. Есть мнение, что в его зрелых произведениях отражается то, как Платонов внутренне переживает переходную стадию примирения с изменяющимися реалиями жизни — того, как послереволюционные надежды и радикализм сменяются на постепенно наступающую тиранию сталинской эпохи³². Х. Гюнтер по этому поводу пишет, что «в отличие от классических антиутопий, в которых идеальная стадия развития общества уже существует в готовом виде, утопическая структура в платоновских произведениях находится в становлении и одновременно в распаде»³³. На мой взгляд, эта цитата ещё раз отсылает нас к мысли о том, как произведения Платонова выражают тревогу и сомнения автора по поводу описываемых событий. Автор не даёт однозначной оценки происходящему, а скорее ставит вопрос — для себя, и для читателя, и призывает того сделать свой вывод на этот счёт. Это заметно также и в авторском эпилоге к «Котловану»: «Погибнет ли эсерша, подобно Насте, или вырастет в целого человека, в

²⁸ Заваркина, Марина. 'Утопия Как Антиутопия (Повесть Андрея Платонова «Хлеб и Чтение»)'. Петрозаводский государственный университет. *Проблемы Исторической Поэтики* 19, no. 2 (Май 2021). с. 332

²⁹ В принципе саму идею «общепролетарского дома» чаще всего рассматривают как аллюзию Платонова на тот или иной образ из литературы или мифологии. Например, есть мнение, что образ «общепролетарского дома» отсылает читателя к полемике между Чернышевским и Достоевским, когда утопическому «хрустальному дворцу» из романа «Что делать?» была противопоставлена Вавилонская башня из «Легенды о великом инквизиторе». - Платонов, А. П., Н. А. Грознова. *Котлован: Текст, Материалы Творческой Истории*. Санкт-Петербург: Наука, 2000. с. 145

³⁰ Очевидно, Платонов был знаком с его творчеством и идеями, выражая одобрение, например, в своей статье «Луначарский» (1920)

³¹ Луначарский А. В. *Луначарский А. В. Основы позитивной эстетики. Собрание Сочинений*, 1904. Режим доступа: <http://lunacharsky.newgod.su/lib/ss-tom-7/osnovy-pozitivnoj-estetiki/> (дата обращения: 14.02.2023)

³² Заваркина, Марина. 'Утопия Как Антиутопия (Повесть Андрея Платонова «Хлеб и Чтение»)'. Петрозаводский государственный университет. *Проблемы Исторической Поэтики* 19, no. 2 (Май 2021). с. 332

³³ Там же.

новое историческое общество? Это тревожное чувство и составляло тему сочинения, когда его писал автор. Автор мог ошибиться, изобразив в виде смерти девочки гибель социалистического поколения, но эта ошибка произошла лишь от излишней тревоги за нечто любимое, потеря чего равносильна разрушению не только всего прошлого, но и будущего»³⁴.

Исходя из сказанного ранее, можно предположить, что и герои зрелых проз Платонова являются авторскими исканиями по поводу места человека в новом мире. Пользуясь наблюдениями Х. Гюнтера, здесь можно отметить такую важную особенность повести, как наличие в ней двух планов повествования, один из которых «социальный», тогда как второй, составляющий основное смысловое наполнение повести, — «философский», посвящённый мотивам поиска смысла жизни: «Ясно различима грань между "первой" и "второй" историей, между "социальным" и мировоззренческим планами. Первый из них охватывает такие исторические события конца двадцатых годов, как строительные проекты и коллективизация. Философское измерение повести включает разные тематические сферы. Центральной темой является поиск "истины" и "смысла", которому подчинено все происходящее и все поступки героев»³⁵. Таким образом, герои повести относятся либо к плану «философскому», либо к плану «социальному»: «Одни (Воцев, Прушевский, Чиклин или Настя) связаны с ним [философским планом повести] напрямую, другие (активист, Софронов, Пашкин или Козлов) принадлежат исключительно социальной сфере и, в соответствии с этим, наделены сатирическими признаками»³⁶. Персонажи, относящиеся к социальному плану повести, рассматривают «истину» как явление чисто социального, материалистического характера («Счастье произойдет от материализма, товарищ Воцев, а не от смысла»), на основании чего и строится конфликт между двумя категориями героев³⁷. Именно поэтому я в своей работе буду руководствоваться в первую очередь условным разделением героев на категории «новых» и «старых» людей. Так, идентичность каждого персонажа будет определяться его взаимоотношениями с государственной системой и идеологией, в том числе способностью героя встроиться в «новый мир», и способностью того, в свою очередь, его принять. Формирование так называемого «нового человека», сначала в теории, а впоследствии и на практике, являлось одной из наиболее важных задач, стоявших перед советской властью. В

³⁴ Платонов, А. П., Н. А. Грознова. Котлован: Текст, Материалы Творческой Истории. Санкт-Петербург: Наука, 2000.с. 116

³⁵ Гюнтер, Ханс. По Обе Стороны От Утопии. Контексты Творчества А. Платонова. Научная Библиотека, Выпуск 105. Москва: Новое литературное обозрение, 2012. с. 77

³⁶ Там же.

³⁷ Там же.

революционном дискурсе существовали различные взгляды на то, какими именно свойствами будет обладать «человек будущего», в том числе и относительно человека «прошлого» и «настоящего» (которые нередко объединялись в одну категорию³⁸). Однако наиболее важной задачей являлось развитие классового сознания; каждый индивид должен был научиться осознанию себя как части коллектива, работающего для достижения общей цели. Как это описывает А. Луначарский, «<...> каждая молекула–человек бьётся во все стороны, натывается на всех своих соседей и хаотично, беспорядочно мечется. <...> И когда человеческие воли будут организованы в единство, будут действовать, как согласованный пучок энергий, то, может быть, ничто не в состоянии будет им противостоять, даже стихийные законы природы»³⁹. В начале своей карьеры и Платонов придерживался революционных взглядов на переустройство общества и личности, что можно проследить в его публицистических статьях, в которых он также делится и своими идеями на этот счёт (например: «Нормализованный работник» (1920), «Государство — это мы» (1920) и др.)

Некоторые из образов, к которым Платонов пришел в начале 1920-х, остались практически неизменными в течение всей его карьеры (например женские образы, за исключением героини произведения «Счастливая Москва»). Однако некоторые из них возникли ближе к концу десятилетия и отражали в себе уже другие искания автора. Можно также предположить, что на создание определённых типов в своих произведениях Платонова вдохновило в реальности окружавшее его общество и жизненный опыт (что видно, например, в посвящении к повести «Сокровенный человек»: «Этой повестью я обязан своему бывшему товарищу – Ф. Е. Пухову и тов. Тольскому, комиссару Новороссийского десанта в тыл Врангеля»). Более того, существует мнение, что многие образы в творчестве Платонова являются автобиографичными: например, известно, что в ранних набросках «Котлована» герой Вощева носил фамилию «Климентов»⁴⁰. Впрочем, на мой взгляд, утверждения о биографичности образов в творчестве Платонова не следует воспринимать буквально. Есть точка зрения, согласно которой подобное сходство героев с их автором является художественным приёмом со стороны Платонова — характерным не только для «Котлована», но и для его творчества в целом. Суть этого приёма заключается в том, что изначально близкий к реальной личности

³⁸ Поскольку человек «настоящего» по прежнему частично находится в прошлом, т. к. был воспитан и выращен в этой среде — по сравнению с полноценным человеком «будущего», т. е. Нового поколения, о чем будет написано далее в главе.

³⁹ Луначарский А. В. Воспитание нового человека, 1928. Режим доступа: <http://lunacharsky.newgod.su/lib/ovospitanii-i-obrazovanii/vospitanie-novogo-cheloveka/> (дата обращения: 14.02.2023)

⁴⁰ Платонов, А. П., Н. А. Грознова. *Котлован: Текст, Материалы Творческой Истории*. Санкт-Петербург: Наука, 2000. с. 13

автора литературный образ постепенно от неё отдаляется, символизируя тем «движение от личного внутреннего опыта к опыту человека как некоей обобщённой ипостаси»⁴¹. Некоторые примеры подобного «автобиографизма» ещё будут рассмотрены далее в работе.

Попытки разработать типологию платоновских героев предпринимались в работах многих литературоведов. И. Савельзон, например, выделяет у писателя три архетипа — герой-странник, герой-труженик и герой-хранитель памяти⁴². Помимо упомянутых образов, исследователь Е. Яблоков выделяет также ещё два дополнительных типа, которые можно обнаружить среди женских персонажей: это образ, являющийся олицетворением «Мировой Души» и образ «гармонической личности».⁴³ Для нас особенно интересным является т. н. образ «мировой души», который, на мой взгляд, особенно актуален в «Котловане». Данное определение возникает из статьи Платонова под названием «Душа мира» (1920), в которой тот придаёт образу женщины мессианское значение архетипа Богоматери⁴⁴ (что не сказано напрямую, но очевидно из контекста), в то время как её ребёнок — «владыка мира». Ребёнок в творчестве А. Платонова, - это «вещество создания», «всемирный элемент», «вечная надежда»; ребёнок «связывает людей в единое родство»; «дети - это время, созревающее в свежем теле», в них «живёт первоначальная непорочность человечества».⁴⁵ Взгляд на ребёнка, как на олицетворение будущего, не уникален для Платонова и является скорее универсальным образом в мировой культуре. Однако в контексте творчества писателя и событий эпохи он приобретает особое значение, о чем ещё будет сказано далее.

Так, в данной главе мы смогли пронаблюдать главные черты того, каким образом менялись и развивались взгляды А. Платонова в течение 1920-х годов, и как события и идеи эпохи могли повлиять на его мировоззрение и творчество. Одним из наиболее значимых моментов этой главы можно считать наблюдение о том, как в течение десятилетия Платонов прошёл путь от революционного идеализма к скептицизму и сомнению, что во многом определило характер исследуемой повести. Другим важным элементом этой главы является исторический контекст и высказывания современных Платонову идеологов марксизма, что

⁴¹ Там же.

⁴² Кириллова И.В. Типология героев Платонова. Известия ВГПУ, 2007, No5, с. 119.

⁴³ Кириллова И.В. Типология героев Платонова. Известия ВГПУ, 2007, No5, с. 120.

⁴⁴ Платонов А.П. Душа мира // 1920. Режим доступа: <http://platonov-ap.ru/publ/dusha-mira/> (дата обращения: 06.03.2023)

⁴⁵ Платонов, А. П., Н. А. Грознова. *Котлован: Текст, Материалы Творческой Истории*. Санкт-Петербург: Наука, 2000. с. 13

будет использоваться и в дальнейших частях работы. Также мы рассмотрели основные важные моменты «Котлована»: его жанровые особенности и типажи, фигурирующие в нём.

Глава 2.

«Старый человек» в мире «Котлована».

Как уже было сказано в предыдущей главе, перед Советским государством стояла масштабная задача воспитать принципиально новый тип человека, работа которого будет способствовать построению нового мира. В 1920-е — 1930-е годы, говоря словами М. Горького, в центре внимания советской литературы оказался «социалистический труд как организатор нового человека и новый человек как организатор социалистического труда»⁴⁶.

Но для начала нам предстоит разобраться с вопросом: что же из себя представляет так называемый «старый мир», и, соответственно, человек, к нему относящийся и являющийся его олицетворением? Теоретики марксизма ставили в вину «старому режиму», и, соответственно, всему с ним связанному, множество различных вещей. Они критиковали его самые основы. В «Манифесте Коммунистической партии» сказано, что на протяжении всей истории человечества общество разделялось на две категории - «господ» и «рабов», которые находились в постоянной борьбе⁴⁷. Так, категория «господ» всегда составляла меньшинство, обладающее определённой властью — монархия, военные, духовенство. Предполагается, что ключевым свойством данного класса является т.н. «хищный индивидуализм», когда его представитель ставит себя выше «масс» и рассматривает их лишь как инструмент для достижения своих целей⁴⁸. С точки зрения марксистской теории, «буржуазная эпоха» уникальна тем, что она «упростила классовые противоречия», разделив общество на два основных класса — буржуазию и пролетариат⁴⁹. С приходом социализма должно было произойти «ниспровержение господства буржуазии» и «завоевание пролетариатом политической власти», а следовательно и прекращение деления общества на классы и ликвидация эксплуатации человека человеком⁵⁰.

⁴⁶ Горький М. Две пятилетки // Правда, №98, 1935. Режим доступа: <http://gorkiy-lit.ru/gorkiy/articles/article-10.htm> (дата обращения: 20.11.2022)

⁴⁷ К. Маркс, Ф. Энгельс. *Принципы коммунизма: манифест коммунистической партии*. Москва: Издательство ИТРК, 2007. с. 29

⁴⁸ Луначарский А. В. Воспитание нового человека, 1928. Режим доступа: <http://lunacharsky.newgod.su/lib/ovospitanii-i-obrazovaniivospitanie-novogo-cheloveka/> (дата обращения: 18.02.2023)

⁴⁹ К. Маркс, Ф. Энгельс. *Принципы коммунизма: манифест коммунистической партии*. Москва: Издательство ИТРК, 2007. с. 29

⁵⁰ К. Маркс, Ф. Энгельс. *Принципы коммунизма: манифест коммунистической партии*. Москва: Издательство ИТРК, 2007. с. 42

Однако в чем в таком случае заключается проблема «старого человека», не относящегося к вышеупомянутой категории? Предполагается, что такой человек склонен к стяжательству, «стадности», некритически воспринимает различные общественные установки и предрассудки прошлого, а значит не готов и не стремится к радикальным общественным и политическим реформам. Луначарский, например, не относит к их числу людей из «угнетённых классов», которые «развились до социалистического сознания», то есть смогли отказаться от вышеперечисленных качеств в пользу тех, которые являются более прогрессивными с точки зрения коммунистической партии. Он отмечает, что пролетарий — это только лишь «переходный тип», и что многие представители данного класса по-прежнему придерживаются «мещанских» взглядов старого времени, и что «почти у каждого пролетария оказывается тёмное пятно на его характере и личности, которое роднит его со старым миром»⁵¹, в то время как «прогрессивный пролетарий» — это элемент, активно участвующий в реорганизации общества, интернационалист, «усвоивший идею», что «пролетариат может победить только в мировой борьбе»⁵².

Здесь также важно сделать небольшое отступление и упомянуть об особенностях восприятия марксизма в русской культуре. Тогда как на Западе марксизм имел социально-утопические черты, многие писатели и мыслители в России восприняли марксистскую идеологию скорее как религиозное учение; Революция же в их глазах принимала хилиастические черты. Это обстоятельство обусловлено в том числе и тем, что в России начала двадцатого века религиозные представления по-прежнему имели значительно большее влияние, нежели в Европе⁵³. Здесь можно вспомнить цитату Бердяева о том, что русский марксизм — это «не только учение исторического или экономического материализма о полной зависимости человека от экономики <...>», а скорее «учение об избавлении, о мессианском призвании пролетариата, <...> о мощи и победе человека над иррациональными силами природы и общества»⁵⁴. В начале своей карьеры и сам Платонов придерживался таких мыслей: его ранние публицистические тексты отличаются от типичных агитационных материалов того времени своей мессианской масштабностью и максимализмом: переустройство мира, природы и человеческой сущности через революцию и труд Платонов рассматривает не иначе, как путь к достижению вечной жизни⁵⁵. В целом

⁵¹ Луначарский А. В. Воспитание нового человека, 1928. Режим доступа: <http://lunacharsky.newgod.su/lib/ovospitani-i-obrazovanii/vospitanie-novogo-cheloveka/> (дата обращения: 18.02.2023)

⁵² Там же.

⁵³ Гюнтер, Ханс. 'Революция — Утопия — Апокалипсис. Социальные Аспекты Утопического Сознания.' *Международный Журнал Исследований Культуры*, Русская утопия, no. 4(9) (2012), с. 10

⁵⁴ Бердяев, Николай. *Истоки и Смысл Русского Коммунизма*. Москва: Наука, 1990. с. 40

⁵⁵ Платонов А.П. Вечная жизнь // 1920. Режим доступа: <http://platonov-ap.ru/publ/vechnaya-zhizn/> (дата

из приведённых мною ранее статей⁵⁶ можно заметить, что для раннего Платонова характерно хилиастическое восприятие роли революции, что отразилось и в его творчестве. В том числе ему была близка и утопическая идея о возможности создания принципиально нового типа человека: в одной из своих статей он предлагает «уничтожить личности»⁵⁷, заменив их на «общество, коллектив, единый организм земной поверхности, одного борца с одним кулаком против природы»⁵⁸. Но как уже было сказано в предыдущей главе, в течение 1920-х годов взгляды Платонова претерпели значительные изменения, что привело и к переменам в его творчестве. Начиная с середины 1920-х годов, в произведениях Платонова становится всё меньше идеализма, и всё более проявляется скептицизм. Изменился и облик типичного героя его проз: например, уже в повести «Епифанские шлюзы», написанной в 1926 году, фигурирует образ инженера, который, несмотря на свою гениальность, не может противостоять силам природы и предотвратить засуху. В «Усомнившемся Макаре» Платонов выражает тревогу по поводу того, как на фоне «целостного масштаба» теряется «частный Макар»: иначе говоря, для государства человек становится всего лишь частью целого механизма и теряет значимость как индивид. Главный герой рассказа с ужасом понимает, что он и есть тот самый «старый человек», которому нет места в будущем, поскольку его удел — стать жертвой ради общего дела в настоящем. К концу десятилетия в творчестве Платонова отчётливо просматривается мысль о том, что для достижения по-настоящему справедливого будущего необходима «любовь к ближнему» — к настоящему времени и людям в нём, в то время как «любовь к дальнему для писателя — признак бездушной, бессердечной утопии»⁵⁹. Позже эти мысли нашли своё отражение и в «Котловане».

Так, как уже упоминалось ранее, героев «Котлована» можно причислить либо к «философскому», либо к «социальному» плану повести⁶⁰, и именно о первой категории пойдёт речь в данной главе. К их числу можно отнести инженера Прушевского, рабочего Никиту Чиклина, и некоторых других. Доминантой в образе этих героев является мотив поиска «истины», некоего «смысла», что наиболее всего выражено у главного героя повести — Воцева. Так, Воцев является мужчиной тридцати лет и не имеет какого-либо

обращения: 24.02.2023)

⁵⁶ Сюда же можно отнести статьи «Да святится имя твое» (1920), «О нашей религии» (1920), «Преображение» и др.

⁵⁷ Конечно, «уничтожение» личности стоит понимать как призыв отказаться от личных интересов во имя интересов коллективных, нежели буквально физическое уничтожение.

⁵⁸ Платонов А.П. Нормализованный работник // 1920. Режим доступа: <http://platonov-ap.ru/publ/normalizovannyi-rabotnik/> (дата обращения: 24.02.2023)

⁵⁹ Геллер, Михаил. *Андрей Платонов в Поисках Счастья*. Париж: YMCA-Press, 1982. с. 66

⁶⁰ См. Страница 17.

конкретного описания внешности. Однако рассказчик постоянно делает акцент на «слабости» и «истощенности» героя, обусловленной тяжестью жизни «в теле без истины». Воцев не имеет ни дома, ни семьи; читателю ничего не известно о его прошлом. Хотя существуют наброски Платонова к незаконченной повести «Дар жизни», которую многие исследователи рассматривают как зарисовки возможного прошлого Воцева (в изначальном варианте Воцикова)⁶¹. В них Воцев имеет работу и живёт с женой, хотя и постоянно испытывает тревогу, боясь, что его разлюбят или бросят⁶². Даже на фоне других героев «Котлована» его образ выделяется своей неоднозначностью. В отличие от вышеупомянутых героев, деятельности Воцева нельзя дать какого-то ясного и однозначного определения. По мнению многих исследователей, Воцев относится к типу «странника», характерного для зрелой прозы Платонова, а также типу «хранителя памяти»⁶³. Платоновский «странник» — это философствующий персонаж, который постоянно перемещается с места на место в поисках «истины», и при своих перемещениях наблюдает различные события и даёт им свою оценку. Позиция такого героя, как правило, близка взглядам автора⁶⁴. «Странник» не противится идеям переустройства мира, и порой даже им способствует, однако по своей сути все равно остаётся близок к «корням», к народным представлениям о месте человека и значении природы⁶⁵. Отсюда также следует и другая роль Воцева как «хранителя памяти» — такой персонаж является связующим звеном между прошлым и настоящим. Воцев носит с собой мешок, в «тайное отделение» которого собирает различные бесполезные предметы, потерявшие назначение. Еще в самом начале повести Воцев подбирает опавший с дерева лист, приземлившийся рядом с ним, мотивируя это тем, что тот «никому не нужен и валяется среди всего мира», и хотя бы кто-нибудь должен его «хранить и помнить». Эта привычка героя особенно заметно проявляется в эпизоде коллективизации, где Воцев, «не полностью соображая», собрал все «вещественные остатки потерянных людей, живших, подобно ему, без истины и которые скончались ранее победного конца»⁶⁶. Такие вещи, как «лапоть прошедшего века», «оловянная серьга» или «штанина» рассматриваются как свидетельство существования «трудящегося, но неимущего тела». Что показательно, мешок с когда-то принадлежавшими крестьянам вещами Воцев передал Насте — олицетворению будущего, чтобы та могла выбрать понравившиеся ей предметы в качестве игрушек.

⁶¹ Корниенко, Н. В. *История Текста и Биография А. П. Платонова (1926- 1946)*. Москва: Журнал «Здесь и Теперь», 1993. с. 122

⁶² Там же.

⁶³ См. Страница 19.

⁶⁴ Гюнтер, Ханс. *По Обе Стороны От Утопии. Контексты Творчества А. Платонова*. Научная Библиотека, Выпуск 105. Москва: Новое литературное обозрение, 2012. с. 11.

⁶⁵ Там же.

⁶⁶ Платонов, А. П. Чевенгур: Роман; Котлован: Повесть. Ред. Н. М. Малыгина. Москва: Время, 2011. С. 514.

Сама по себе фамилия Вощева, как и остальных героев повести, наделена определённым смыслом. На этот счёт существует несколько различных мнений. Например, некоторые исследователи считают, что фамилия героя происходит от слова «воск», «вощенный», т.е. человек, восприимчивый к окружающему миру, поддающийся внешним воздействиям, словно восковая дощечка⁶⁷. Другие же подводят её к устаревшему слову «вотще», т. е. напрасно, что намекает на тщетность исканий героя – от надежды «обрести смысл» к осознанию тщетности каких-либо усилий⁶⁸. Сюда же можно отнести ещё одну трактовку фамилии героя – от слова "вообще", символизируя таким образом "обобщённость" образа героя, как человека в общем смысле.⁶⁹ Следствием этого может быть также и отсутствие у Вощева, (как, впрочем, и у многих других значимых действующих лиц), имени — у него имеется только фамилия. Однако по этому поводу существует также и мнение, что Платонов специально наделил многих героев повести фамилиями без ясной этимологии, что по задумке должно символизировать их оторванность от корней, отсутствие преемственности памяти⁷⁰.

Повесть начинается с фразы, в которой уточняется возраст главного героя — тридцать лет: «В день тридцатилетия личной жизни <...>». По мнению многих исследователей, эта цифра была выбрана неслучайно. Этот момент можно рассматривать как проявление автобиографизма (по мнению, например, Н. Корниенко)⁷¹ в произведении: на момент начала работы над повестью, в 1929 году, Платонову было тридцать лет; кроме того, именно в том году произошёл конфликт Платонова с мелиоративным отделом Наркомзема⁷². В предыдущей главе уже упоминалось о том, что многие моменты в произведениях Платонова принято рассматривать как отсылку на то или иное явление из мира литературы или мифологии. А. Харитонов, например, высказывал мнение о том, что первые строки «Котлована» отсылают читателя к «Божественной комедии» — сравнивая таким образом Вощева с Данте, достигшим «середины жизненного пути» и отправившимся в странствие по загробному миру⁷³. Однако и сам А. Харитонов сомневается в обоснованности этого

⁶⁷ Дужина, Наталья Ильинична. Путеводитель по повести А.П. Платонова «Котлован»: Учебное пособие. Школа вдумчивого чтения. Москва: Издательство Московского университета, 2010. с 90.

⁶⁸ Там же.

⁶⁹ См. Страница 13

⁷⁰ В 1920-е — 1930-е годы в Советском Союзе действительно существовала тенденция создания новых имен, обычно связанных с коммунистической идеологией. Такие имена образовывались от имен вождей революции, памятных дат, достижений советского государства и т. д. Эта практика имела символическое значение — «новый человек» в «новом мире» должен был обладать, соответственно, новым именем.

⁷¹ Корниенко, Н. В. *История Текста и Биография А. П. Платонова (1926- 1946)*. Москва: Журнал «Здесь и Теперь», 1993. с. 145

⁷² Народный комиссариат земледелия СССР (Наркомзем) — министерство в СССР, ответственное за планирование и руководство сельскохозяйственным производством.

⁷³ В данном случае мотив ямы, оврага — котлован, символизирует загробный мир.

утверждения, поскольку доподлинно неизвестно, был ли Платонов знаком с творчеством Данте, так же как и неизвестно, какой возраст считался «серединой жизненного пути» во времена поэта⁷⁴. Другой же, на мой взгляд более оправданной трактовкой, можно считать сравнение вступительных строк «Котлована» с таковыми в произведении Ф. Ницше «Так говорил Заратустра»: «Когда Заратустре исполнилось тридцать лет, покинул он свою родину и озеро своей родины и пошёл в горы <...>». Известно, что Платонов был знаком с идеями философа, и более того, в молодости был ими увлечён⁷⁵. Важна также и сама формулировка данного предложения - «тридцатилетие личной жизни»; при сравнении с грамматически правильной формулировкой, как например «в день тридцатилетия», становится заметно, что автор уделяет особое внимание обстоятельству «личной жизни» Вощева, которая рассматривается как явление, отдельное от самого героя, происходящее параллельно ему и его действительной жизни⁷⁶. Это говорит о том, что в условиях «общего темпа труда» наличие у героя личной жизни не предполагается в принципе. Этому свидетельствует сама сцена увольнения Вощева с «небольшого механического завода», что было обусловлено «ростом слабосильности в нем» и «задумчивостью среди общего темпа труда»:

«— О чем ты думал, товарищ Вощев?

— О плане жизни.

— Завод работает по готовому плану треста. А план личной жизни ты мог бы проработывать в клубе или в красном уголке»⁷⁷.

Из этого диалога можно сделать вывод, что в процессе производства на заводе работнику не положено думать, поскольку завод работает по заранее подготовленному плану. Более интересно же то, что «план личной жизни» Вощеву предлагается обдумать в клубе или «красном уголке» - то есть в месте, предназначенном для политической работы. Все это приводит к мысли о том, что с точки зрения представителя «системы» и свободное от работы время героя должно быть так или иначе посвящено идеологически полезному делу. Из этого вытекает, что жизнь человека в условиях данной системы уже заранее продумана до него — нет необходимости в «проработке плана жизни», и поэтому задумчивость Вощева воспринимается окружающим миром как его недостаток или даже вредоносный жест с его стороны. Вощев же в свою очередь не может жить без «истины», и даже во время работы на котловане он сжимал руками лопату так, «точно хотел добыть истину из земного праха»⁷⁸.

⁷⁴ Булыгин, А. К., А. Г. Гущин. *Плач об умершем боге. Повесть-притча А. Платонова 'Котлован'*. Санкт-Петербург: Борей-Принт, 1997. с. 21

⁷⁵ Там же.

⁷⁶ Дужина, Наталья Ильинична. *Путеводитель по повести А.П. Платонова «Котлован»: Учебное пособие. Школа вдумчивого чтения*. Москва: Издательство Московского университета, 2010. с 93.

⁷⁷ Платонов, А. П. Чевенгур: Роман; Котлован: Повесть. Ред. Н. М. Малыгина. Москва: Время, 2011. С. 415

⁷⁸ Платонов, А. П. Чевенгур: Роман; Котлован: Повесть. Ред. Н. М. Малыгина. Москва: Время, 2011. С. 422

Переходя к теме окружающего мира, важно упомянуть то, что хронотоп повести определяется в целом перемещениями самого Вощева: сначала из города на котлован, из котлована в деревню, и в финале повести — вновь на котлован. Так, важным мотивом в повести является мотив дороги, по которой движется «странник» в своих поисках истины. Многие исследователи отмечали, что дорога в повести пролегает скорее во временной, нежели пространственной плоскости: путь Вощева на котлован рассматривается как путь из прошлого в будущее⁷⁹. Действие повести начинается приблизительно в конце лета — начале осени, так как деревья все еще «держали жару», но уже начали опадать листья. В повести нет конкретных маркеров, указывающих на время событий, упоминаются лишь названия времён года ("в начале осени" и др.). Движение времени в "Котловане" происходит неоднородно. Время в повести то останавливается, то внезапно ускоряется. Эпизоды работы на котловане бедны на события, они монотонны, и время в них как будто не существует. Наиболее интересным кажется эпизод раскулачивания, который происходит уже не осенью, а зимой (на что указывают описания окружающей среды, как "снежный ветер", "смерзшийся снег" и т. д.). Эпизод в деревне занимает всего день, но при этом он полон событиями: обобществление имущества кулаков, их высылка, и последовавший после этого народный праздник. Отсюда также можно проследить присутствующий в повести мотив солнца, света и тьмы, играющих важную роль в повести. Солнце, как правило, ассоциируется с теплом и жизнью, однако в мире «Котлована» оно этих свойств лишено: «несмотря на достаточно яркое солнце, [Вощеву] было как-то нерадостно на душе». Вощев воспринимает солнце и дневной свет как нечто чуждое и неуместное, как напоминание о неприятной необходимости снова возвращаться в постоянное состояние размышления и неопределённости⁸⁰: «<...> уже волновались кругом ветры и травы от солнца, когда Вощев с сожалением открыл налившиеся влажной силой глаза. Ему снова предстояло жить и питаться». И в то же время, несмотря на это, Вощев боится ночей, поскольку «в них он лежал без сна и сомневался; его основное чувство жизни стремилось к чему-либо надлежащему на свете, и тайная надежда мысли обещала ему далёкое спасение от безвестности всеобщего существования»⁸¹.

Далее, перед началом эпизода раскулачивания, солнце «зашло над деревней», и «на земле наступила сплошная тьма». Таким образом, даже природные явления наводят

⁷⁹ Дужина, Наталья Ильинична. *Путеводитель по повести А.П. Платонова «Котлован»: Учебное пособие*. Школа вдумчивого чтения. Москва: Издательство Московского университета, 2010. с. 54.

⁸⁰ Булыгин, А. К., А. Г. Гушин. *Плач об умершем боге. Повесть-притча А. Платонова 'Котлован'*. Санкт-Петербург: Борей-Принт, 1997. с. 67.

⁸¹ Платонов, А. П. Чевенгур: Роман; Котлован: Повесть. Ред. Н. М. Малыгина. Москва: Время, 2011. С. 481

читателя на мысль о том, что происходящие в деревне события крайне трагичны, и более того, воспринимаются почти как нарушение законов природы⁸². В том же эпизоде, после окончания «народной пляски», вместо солнца в деревне остаётся лишь «одна лампа на всю потухшую деревню» — то есть искусственный источник света, горящий в Оргдоме, где сидел Активист. Можно предположить, что в данном случае понятия «дня» и «ночи» соотносятся с понятиями «жизни» и «смерти»; и тут же — мотивами прошлого и будущего, где ночь олицетворяет смерть, мир иной, приходящий вместе с будущим. День же — это ценности прошлого, в то время как лампа — ценности нового времени. В этом эпизоде призывы к объединению людей в «общую массу», упоминавшиеся в начале главы, приобретают иной смысл. Перед вступлением в колхоз крестьяне прощаются друг с другом, и при этом слова их звучат скорее словно прощание перед смертью, переходом в другую форму существования: « — Пусть они попрощаются до будущей жизни. Мужики было приготовились к чему-то, но один из них произнёс в тишине: — Дай нам еще одно мгновенье времени! И сказав последние слова, мужик обнял соседа, поцеловал его трижды и попрощался с ним. — Прощай, Егор Семеныч! — Не в чем, Никанор Петрович: ты меня тоже прости»⁸³. Очевидно, имена героев были упомянуты неслучайно, поскольку уже в следующей сцене, после вступления в колхоз, крестьяне имён не имеют: «Теперь мы, товарищ актив, готовы, пиши нас всех в одну графу, а кулаков мы сами тебе покажем»⁸⁴. Причём в том же эпизоде такая перемена объясняется Активистом (который, что примечательно, тоже является безымянным персонажем) как результат «массовой работы актива». Сам же Воцев испытывает по отношению к Активисту неприязнь, которая в повести объясняется тем, что «вся всемирная истина, весь смысл жизни помещались только в нем [Активисте] и более нигде, а уж Воцеву ничего не досталось, кроме мученья ума, кроме бессознательности в несущемся потоке существования и покорности слепого элемента»⁸⁵. Так, отсюда можно понять, что Воцев внутренне противится бессмысленному существованию, слепому подчинению указаниям свыше, как для себя, так и для окружающих. После смерти Активиста он восклицает: «Так вот отчего я смысла не знал! Ты, должно быть, не меня, а весь класс испил, сухая душа, а мы бродим, как тихая гуща, и не знаем ничего!»⁸⁶. Эпизод коллективизации в целом полон символов, указывающих на смерть и противоестественность происходящего. Недаром с началом эпизода коллективизации в деревне осень внезапно переходит в зиму, однако при этом от домов кулаков исходил жар, а

⁸² Гюнтер, Ханс. *По Обе Стороны От Утопии. Контексты Творчества А. Платонова*. Научная Библиотека, Выпуск 105. Москва: Новое литературное обозрение, 2012. с. 81.

⁸³ Платонов, А. П. Чевенгур: Роман; Котлован: Повесть. Ред. Н. М. Малыгина. Москва: Время, 2011. С. 498

⁸⁴ Там же.

⁸⁵ Платонов, А. П. Чевенгур: Роман; Котлован: Повесть. Ред. Н. М. Малыгина. Москва: Время, 2011. с. 528

⁸⁶ Там же.

вокруг, несмотря на время года, летали мухи. Такая парадоксальная комбинация способствует формированию выраженного образа смерти и разложения⁸⁷; Более того, из предложения «мирный покров [снег] застелил на сон грядущий всю видимую землю» становится очевидно, что сон в данном случае является эвфемизмом смерти⁸⁸. В конце повести также упоминается, что земля на котловане «смёрзлась».

Для Вощева финал повести остаётся открытым. Он покинул колхоз и вернулся на котлован с мешком утиля в качестве «редких непроданных игрушек» для девочки Насти, однако к его приходу та уже умерла. Кольцевая композиция замкнулась, и в сущности, в своём пути в поиске истины Вощев вернулся в изначальную точку. Он задаётся вопросом: «зачем теперь нужен смысл жизни и истина всемирного происхождения, если нет маленького, верного человека, в котором истина стала бы радостью и движеньем?»⁸⁹. Однако как для Вощева, так и для читателя, остаётся ощущение надежды: взяв на руки тело Насти и прижав его к себе, герой понимает, что «нашёл больше того, чем искал».

Другими же важными для сюжета персонажами являются такие герои, как инженер Прушевский и землекоп Никита Чиклин. В сюжете повести данная пара является одной из основных, при этом данные герои являются взаимодополняющими. Их отличие заключается не только в их социальном положении, но и в том, носителем какого начала является каждый из них: Чиклин — рабочий, землекоп, выражающий собой действие. Прушевский же — интеллигент, и является носителем знания⁹⁰. Именно из этих различий следуют особенности ролей этих героев в сюжете «Котлована». Чиклин — старший землекоп в артели, и «грунтовый труд был его лучшей профессией». Герой не отличается интеллектом, и едва ли способен думать: «он прислонился влажной спиной к отвесу выемки, глянул вдаль и вообразил воспоминание — больше он ничего думать не мог»⁹¹. Даже в записных книжках Платонова герой описывался как «примитивный, свежий человек»⁹². Это подчёркивается также и в описании его внешности: у Чиклина была «маленькая каменистая голова, густо обросшая волосами», что объясняется тем, что он «всю жизнь либо бил балдой, либо рыл лопатой, а думать не успевал». Однако при этом Чиклин предан своему делу, и при

⁸⁷ Гюнтер, Ханс. *По Обе Стороны От Утопии. Контексты Творчества А. Платонова*. Научная Библиотека, Выпуск 105. Москва: Новое литературное обозрение, 2012. с. 83.

⁸⁸ Гюнтер, Ханс. *По Обе Стороны От Утопии. Контексты Творчества А. Платонова*. Научная Библиотека, Выпуск 105. Москва: Новое литературное обозрение, 2012. с. 85.

⁸⁹ Платонов, А. П. Чевенгур: Роман; Котлован: Повесть. Ред. Н. М. Малыгина. Москва: Время, 2011. с. 533

⁹⁰ Гюнтер, Ханс. *По Обе Стороны От Утопии. Контексты Творчества А. Платонова*. Научная Библиотека, Выпуск 105. Москва: Новое литературное обозрение, 2012.

⁹¹ Платонов, А. П. Чевенгур: Роман; Котлован: Повесть. Ред. Н. М. Малыгина. Москва: Время, 2011. С. 432

⁹² Seifrid, Thomas. *A Companion to Andrei Platonov's The Foundation Pit*. Studies in Russian and Slavic Literatures, Cultures and History. Boston, Mass: Academic Studies Press, 2009. с. 132.

недостатке рабочей силы (на котлован прислали лишь пятьдесят человек, хотя Прушевский требовал сто) начинал работать за всех. И более того — при отсутствии работы в нём начинала «скапливаться печаль», и тогда он начинал давить руками стены барака, «лишь бы давить и двигаться во что-нибудь». Чиклин также пренебрежительно относится к уже упоминавшейся тенденции Вощева к «задумчивости», и на предложение того «выдумать смысл жизни» Чиклин ответил: «Чего ты стонешь, сирота! <...> Смотри на людей и живи, пока родился»⁹³. Также не доверяет он и Прушевскому, слушая указания которого, Чиклин «добавочно проверял его разбивку своим умом и опытом». Фамилия же Чиклина, по мнению некоторых исследователей, отсылает к таким глаголам, как «чикать», «почикать», означая «бить», «совершать резкие удары»⁹⁴.

Как уже было сказано, Прушевский — противоположность Чиклина, он инженер и конструктор, и его отличительной чертой является его принадлежность к интеллигенции. Роль Прушевского в повести в принципе является особенной, поскольку в отличие от остальных персонажей, большинство из которых являются рабочими-землекопами, он — автор проекта «общепролетарского дома» и идеолог его строительства⁹⁵. Он описывается как «не старый, но седой от счета природы человек». Для Прушевского характерно постоянное чувство тоски и бессмысленности существования, что в определённой мере роднит его с Вощевым. При первом взгляде на Вощева Прушевский даже подумал, что «капитализм родил их двоешками». Однако при этом, в отличие от Вощева, инженер совершенно отрешён от реальности и скорее находится в мире своих идей: еще в молодости Прушевский почувствовал, будто «темная стена предстала в упор перед его ощущающим умом». Прушевский воспринимал мир как «мертвое тело», то есть как место для воплощения своих идей; он «не мог предчувствовать устройства души поселенцев общего дома», но при этом надеялся, что его проект сможет обеспечить счастливую жизнь для будущих поколений. Однако на самом деле его идея скорее с самого начала приносила с собой смерть и запустение: еще при косьбе травы на пустыре и последующем рытье котлована упоминается, что «тысячи былинки, корешков и мелких почвенных приютов усердной твари» были «уничтожены навсегда в теснинах тоскливой глины». И тем не менее, на самом деле Прушевский даже не заинтересован в своей работе: в субботу, когда рабочий день подошёл к концу, он остался на котловане, чтобы ещё «немного почертить», но делал

⁹³ Платонов, А. П. Чевенгур: Роман; Котлован: Повесть. Ред. Н. М. Малыгина. Москва: Время, 2011. С. 424

⁹⁴ Seifrid, Thomas. *A Companion to Andrei Platonov's The Foundation Pit*. Studies in Russian and Slavic Literatures, Cultures and History. Boston, Mass: Academic Studies Press, 2009. с 132.

⁹⁵ Дужина, Наталья Ильинична. *Путеводитель по повести А.П. Платонова «Котлован»: Учебное пособие*. Школа вдумчивого чтения. Москва: Издательство Московского университета, 2010. с. 13

он это не от любви к работе, а оттого что «боялся пустого домашнего времени» и «не знал, как ему жить одному». Прушевский действовал скорее по «инерции самодействующего разума»⁹⁶. Так, если «незнанию» Чиклина противопоставляется знание Прушевского, то точно таким же образом можно противопоставить соответственно действие и «бездействие» героев. И как уже упоминалось ранее, Прушевский — идеолог строительства котлована, и оттого его «бездейственная» роль кажется еще более трагичной, поскольку именно по этой причине, вопреки своему замыслу, он становится виновником смерти землекопов и Насти.

Важно также отметить, что и у Прушевского, и у Чиклина есть своё характерное отношение к течению времени: Чиклин работает ради будущего, хотя и не имеет представления о том, как оно должно будет выглядеть. Прушевский же одновременно оторван от прошлого и не видит будущего⁹⁷. По его мнению, лучше, если «будущее будет чуждым и пустым, а прошлое покоится в могилах». Даже фамилию этого героя исследователи связывают со словом «прах», которое должно указывать на то, что он практически мёртв при жизни⁹⁸.

Помимо того, обоих героев объединяет любовь к одной женщине в прошлом — матери Насти, Юлии, которая сама по себе, вероятно, является олицетворением прошлого⁹⁹. Через эту сюжетную линию в повести также можно проследить упомянутые различия начал действия и бездействия между героями. Юлия, буржуйка, персонификация дореволюционной России, выбрала именно Чиклина — пролетария, однако в прошлом тот её отверг: «<...> она ему не понравилась, точно была постыдным существом, — и так он прошёл в то время мимо неё не остановившись»¹⁰⁰. Характерно также и то, что Настя, появившись на котловане, сразу начинает выбирать, «кого она любит и кого не любит, с кем водится и с кем нет», и тогда её выбор падает именно на Чиклина, который в течение повести носит её на руках, а она спит на его животе, как спала на животе матери¹⁰¹. Интересно также и то, что именно Чиклин роет для Насти могилу после её смерти. Прушевского же Юлия проигнорировала, и даже не знала о его чувствах и в принципе существовании, и всего лишь «прошла близко, не остановившись». Важно также заметить,

⁹⁶ Платонов, А. П. Чевенгур: Роман; Котлован: Повесть. Ред. Н. М. Малыгина. Москва: Время, 2011. С. 434

⁹⁷ Гюнтер, Ханс. *По Обе Стороны От Утопии. Контексты Творчества А. Платонова*. Научная Библиотека, Выпуск 105. Москва: Новое литературное обозрение, 2012. с. 84

⁹⁸ Дужина, Наталья Ильинична. *Путеводитель по повести А.П. Платонова «Котлован»: Учебное пособие*. Школа вдумчивого чтения. Москва: Издательство Московского университета, 2010. с. 91

⁹⁹ Гюнтер, Ханс. *По Обе Стороны От Утопии. Контексты Творчества А. Платонова*. Научная Библиотека, Выпуск 105. Москва: Новое литературное обозрение, 2012. с. 435

¹⁰⁰ Платонов, А. П. Чевенгур: Роман; Котлован: Повесть. Ред. Н. М. Малыгина. Москва: Время, 2011. С. 435

¹⁰¹ Гюнтер, Ханс. *По Обе Стороны От Утопии. Контексты Творчества А. Платонова*. Научная Библиотека, Выпуск 105. Москва: Новое литературное обозрение, 2012. с. 81

что в эпизодах настоящего времени, поцеловав Юлию в старом здании завода, Чиклин сразу узнал в ней ту самую девушку из прошлого; Прушевский же сомневался и подумал, что, возможно «побоявшись однажды настигнуть эту женщину, это счастье в его юности, он, может быть, оставил ее незащищенной на всю жизнь». Это еще раз отсылает нас к тенденции инженера жить «по инерции», которая приводит к разрушительным последствиям. Однако необходимо заметить, что из всех героев повести Прушевский является единственным, для кого сюжет повести не заканчивается трагически¹⁰². Напротив, он обретает смысл жизни и находит его в любви. Будучи в состоянии отчаяния, инженер размышлял о смерти и вспоминал «летний день своего неповторившегося свидания», когда его давняя возлюбленная прошла мимо него. Его размышлениям помешала окликнувшая его девушка-крестьянка — в присутствии Прушевского та «чувствовала вблизи несущееся, горячее движение, у неё поднималось сердце от вида всеобщей стремящейся жизни, но она не могла выговорить слов своей радости и теперь стояла и просила научить её этим словам, этому уменью чувствовать в голове весь свет, чтобы помогать ему светиться». В тот момент Прушевский вновь нашёл своё предназначение; Эта сюжетная линия также заканчивается частым для повести мотивом дороги¹⁰³. Однако в отличие от той бесконечной дороги, по которой скитается Воцев, инженеру была показана дорога, на которой «заблудиться было невозможно». Эта дорога — путь искренней и бескорыстной любви, указанный ему бедной крестьянкой, которая «желала быть благодарной, но не имела ничего для подарка».

К категории «старых людей» с уверенностью можно также отнести и калеку Жачева, которого в повести называют не иначе, как «уродом империализма». Его внешность описывается достаточно подробно и гротескно: «<...> у калеки не было ног — одной совсем, а вместо другой находилась деревянная приставка; держался изувеченный опорой костылей и подсобным напряжением деревянного отростка правой отсечённой ноги. Зубов у инвалида не было никаких, он их сработал начисто на пищу, зато наел громадное лицо и тучный остаток туловища; его коричневые скупно отверстые глаза наблюдали посторонний для них мир с жадностью обездоленности, с тоской скопившейся страсти, а во рту его терлись десны, произнося неслышные мысли безногого»¹⁰⁴. Есть также и мнение, что если герой Воцева выражает позицию, близкую авторской, то Жачев как персонаж выражает наивность взглядов Платонова времён его молодости¹⁰⁵. Жачев имеет меньшие идеологические

¹⁰² Булыгин, А. К., и А. Г. Гушин. *Плач об умершем боге. Повесть-притча А. Платонова 'Котлован'*. Санкт-Петербург: Борей-Принт, 1997. с. 42

¹⁰³ Там же.

¹⁰⁴ Платонов, А. П. Чевенгур: Роман; Котлован: Повесть. Ред. Н. М. Малыгина. Москва: Время, 2011. С. 417

¹⁰⁵ Булыгин, А. К., А. Г. Гушин. *Плач об умершем боге. Повесть-притча А. Платонова 'Котлован'*. Санкт-

познания, нежели другие герои, что, не мешает ему быть рьяным сторонником революции. Это можно заметить в следующем диалоге: «Прушевский! Сумеют или нет успехи высшей науки воскресить назад сопревших людей?

— Нет, — сказал Прушевский.

— Врёшь, — упрекнул Жачев, не открывая глаз. — Марксизм все сумеет. Отчего ж тогда Ленин в Москве целым лежит? Он науку ждет — воскреснуть хочет». Рассказчик делает акцент на непримиримости и бессильной злобе Жачева по отношению ко всему, что по мнению героя чуждо идеям революции. В ответ на оскорбления Жачева в сторону Козлова и Пашкина, Сафронов призывает его «всецело подчиниться производству руководства», однако тот всех перечисленных героев видит скорее как «новых буржуев»¹⁰⁶. Впрочем, после смерти Сафронова и Козлова, павших «жертвами» во имя социализма, Жачев все равно «плакал громадными слезами», в чем вновь проявляется фанатизм героя. Возможно, своей рьяной приверженностью идеям революции Жачев компенсировал свою «ненужность», поскольку так или иначе, он оказывается бесполезным в новом мире. Будучи ветераном и инвалидом сначала Первой мировой, а потом и Гражданской войны, в новом мире Жачев оказывается на окраине жизни. Поэтому, избавившись от деревенских кулаков, Жачев вовсе не почувствовал облегчения, а лишь осознал, что подобная участь вскоре ожидает и его : « <...> он, Жачев, скорее погибнет как уставший предрассудок. <...> Ведь слой грустных уродов не нужен социализму, и его вскоре также ликвидируют в далёкую тишину».¹⁰⁷

Таким образом, в этой главе мы разобрались, что в категорию людей «старого времени» входят герои, по тем или иным причинам не сумевшие найти себе места в новом обществе, либо такие, которые были обществом не поняты и отвергнуты. Здесь важно заметить и то, что каждому из описанных героев всегда недостаёт какого-либо качества, необходимого для возможности успешно достичь утопического «будущего». Воцеву мешает его «задумчивость» и стремление обрести некий смысл жизни, без которого он в принципе не может существовать. Чиклин — это герой, способный к действию, но неспособный к мысли, он работает лишь по указаниям других. Прушевский же, наоборот, будучи погруженным в свои мысли и идеи, оторван от реальности и бездействует, чем способствует катастрофическим событиям.

Петербург: Борей-Принт, 1997. с. 84

¹⁰⁶ Дужина, Наталья Ильинична. *Путеводитель по повести А.П. Платонова «Котлован»: Учебное пособие. Школа вдумчивого чтения.* Москва: Издательство Московского университета, 2010. с. 41

¹⁰⁷ Платонов, А. П. Чевенгур: Роман; Котлован: Повесть. Ред. Н. М. Малыгина. Москва: Время, 2011. С. 507

Глава 3. «Новый человек» в мире «Котлована».

Типажом, описанию которого будет посвящена данная глава, является так называемый «новый человек». Как уже упоминалось ранее, героев повести можно с определённой долей упрощения отнести или к «философскому», или к «социальному» плану сюжета — в зависимости от их мироощущения, отношения к «смыслу жизни» и способу достижения «истины». Ещё в своих записных книжках при работе над «Котлованом» Платонов отмечает, что «типичный человек нового времени: это голый — без души и имущества, в предбаннике истории, готовый на все, но не на прошлое»¹⁰⁸. Отсюда можно проследить ключевую разницу между двумя описываемыми типами. Для героев вроде Вощева, «хранителей памяти», смысл жизни и источник «истины» заключается в установлении связи между прошлым и настоящим, в необходимости поддержания «полноты исторического времени». Герои «нового времени», будучи занятыми вопросами «социального движения» и «энтузиазма», напротив, лишены памяти о прошлом — как коллективном, так и о личном¹⁰⁹. При описании таких персонажей Платонов позволяет себе пользоваться элементами пародии и сатиры, и именно во взаимодействиях с ними раскрывается конфликт мировоззрений «старого человека» с человеком «новым»¹¹⁰. В начале 1920-х и сам Платонов в одной из своих публицистических статей описывал формирование человека будущего, предлагая с самого рождения формировать из людей «нормализованных работников», вся жизнь которых должна быть посвящена одной конкретной цели. Достигнуть этого предполагалось при «нарочном воспитании, искусственном изменении характеров, соответствующем производственным целям общества»¹¹¹. Однако к концу 1920-х стало очевидно, что политическая обстановка резко изменилась на смену идеалам революции приходила все более ужесточающаяся диктатура сталинской эпохи. Быстро устарела и была вытеснена из дискурса идея о возможности создания по-настоящему «нового человека»; и хотя предполагалось, что в условиях «диктатуры пролетариата» власть должна будет перейти в руки народа, на деле тот не обладал знаниями и умениями, необходимыми для управления государством и оказался

¹⁰⁸ Chlupáčová, Kamila, and Miluše Zdražilová. *Texty a kontexty Andreje Platonova*. Acta Universitatis Carolinae 144. Praha: Univerzita Karlova v Praze—Nakladatelství Karolinum, 2005. с. 169

¹⁰⁹ Гюнтер, Ханс. *По Обе Стороны От Утопии. Контексты Творчества А. Платонова*. Научная Библиотека, Выпуск 105. Москва: Новое литературное обозрение, 2012. с. 79

¹¹⁰ Гюнтер, Ханс. *По Обе Стороны От Утопии. Контексты Творчества А. Платонова*. Научная Библиотека, Выпуск 105. Москва: Новое литературное обозрение, 2012. с. 78

¹¹¹ Платонов А.П. *Нормализованный работник // 1920*. Режим доступа: <http://platonov-ar.ru/publ/normalizovannyi-rabotnik/> (дата обращения: 06.12.2022)

манипулируемым партийной номенклатурой¹¹². Как пишет Бердяев, под «диктатурой пролетариата» на самом деле с самого начала подразумевалась диктатура именно коммунистической партии, и приводит в качестве аргумента книгу Ленина "Что делать?", где тот предлагает бороться с «так называемым "экономизмом" и стихийностью в понимании подготовки революции», а в противовес «стихийности» предлагает «сознательность революционного меньшинства, которое призвано господствовать над общественным процессом: он требует организации сверху, а не снизу, т. е. организации не демократического, а диктаторского типа»¹¹³. И если ещё в платоновском «Чевенгуре» герои стремились достигнуть утопии будущего своими силами, то в «Котловане» инициатива как правило насаждается сверху, и при этом даже речь и мышление героев оказываются крайне идеологизированными¹¹⁴.

Тем временем в мире «Котлована», так же как и в реальной жизни России 1920-х, важным понятием является так называемая «генеральная линия», которая подразумевает под собой набор несложных политических и идеологических клише, призванных сплотить вокруг себя «многомиллионные массы пролетариата»¹¹⁵. Вступление в партию и активное участие в политической жизни в то время являлось надёжным способом продвижения вверх по социальной лестнице. Однако при этом известно, что подавляющее большинство людей, вступивших в партию после революции, отличалось низким уровнем образования (менее 1% обладало высшим образованием) и отсутствием политического опыта¹¹⁶; в силу этих причин, многие из них были только поверхностно знакомы с основными марксистскими текстами, либо не знакомы с ними вообще¹¹⁷, и лишь повторяли заранее заученные фразы. В «Котловане» присутствует несколько образов, пародирующих партийных функционеров и тех, кто стремится к ним примкнуть.

Лев Ильич Пашкин является представителем власти, хотя и занимает невысокую должность — председатель окружного профсоюза. Весь его образ является пародией на представителей бюрократии, а также на представления о гармонически развитом «новом

¹¹² Chlupáčová, Kamila, and Miluše Zdražilová. *Texty a kontexty Andreje Platonova*. Acta Universitatis Carolinae 144. Praha: Univerzita Karlova v Praze--Nakladatelství Karolinum, 2005. с. 169

¹¹³ Бердяев, Николай. *Истоки и Смысл Русского Коммунизма*. Москва: Наука, 1990. с. 50

¹¹⁴ Chlupáčová, Kamila, and Miluše Zdražilová. *Texty a kontexty Andreje Platonova*. Acta Universitatis Carolinae 144. Praha: Univerzita Karlova v Praze--Nakladatelství Karolinum, 2005. с. 168

¹¹⁵ Булыгин, А. К., А. Г. Гушин. *Плач об умершем боге. Повесть-притча А. Платонова 'Котлован'*. Санкт-Петербург: Борей-Принт, 1997. с. 9

¹¹⁶ Там же.

¹¹⁷ Там же.

человеке», обладающем благоприятными моральными и физическими качествами¹¹⁸. Он описывается как человек с «пожилым лицом» и «согбенным телом», что объясняется не его возрастом, а скорее жизненным статусом и опытом. По этой причине Пашкин всегда «говорил отечески и почти все знал или предвидел». При этом ему было несвойственно над чем-то размышлять и в принципе «нечего было думать», поскольку по его мнению «все равно счастье наступит исторически». Пашкин регулярно приезжает на котлован, чтобы следить за темпом стройки. Там же он попрекает рабочих недостаточной, по его мнению, скоростью выполнения работ, заключая: «Социализм обойдётся и без вас, а вы без него проживёте зря и помрётё»¹¹⁹, что означает — система важнее отдельного человека. Рабочие же, в свою очередь, мысленно соглашались с ним, поскольку боялись «умереть и не успеть», не обеспечив «впрок для будущего недвижимого счастья и для детства»¹²⁰. Именно Пашкин распорядился о том, что котлован нужно увеличить не в четыре, а в шесть раз.

При этом сам Лев Ильич был обеспечен всеми благами и удобствами, и словно уже жил в эпоху наступившего коммунизма: его быт очень отличается от быта рабочих. Он жил «в основательном доме из кирпича, чтоб невозможно было сгореть», окна которого «выходили в культурный сад, где даже ночью светились цветы»¹²¹, имеет личный транспорт (сначала лошадь, а позже и автомобиль). Более того, Пашкин пользовался различными «баночками для укрепления здоровья», и «научно хранил своё тело» - не просто для себя, но и «для ближних рабочих масс». Пашкин также является единственным героем в повести, имеющим жену, которая, как и он, привыкла жить в достатке. А. Харитонов отмечает, что само по себе имя героя, по всей видимости, составлено из имён Льва Троцкого и Владимира Ильича Ленина, что должно указывать на его символическую роль как представителя режима, его иерархии и олицетворение бюрократии, порождённой этим режимом¹²². В повести подчёркивается и то обстоятельство, что с точки зрения вышестоящих органов такое сочетание имен является неуместным: «почему и Лев и Ильич? Уж что-нибудь одно!»¹²³. Благополучная жизнь Пашкина нарушается также постоянными угрозами и вымогательством со стороны Жачева, упоминавшегося в предыдущей главе. Жачев, будучи

¹¹⁸ Булыгин, А. К., А. Г. Гуцин. *Плач об умершем боге. Повесть-притча А. Платонова 'Котлован'*. Санкт-Петербург: Борей-Принт, 1997. с. 30

¹¹⁹ Платонов, А. П. Чевенгур: Роман; Котлован: Повесть. Ред. Н. М. Малыгина. Москва: Время, 2011. С. 430

¹²⁰ Там же.

¹²¹ Платонов, А. П. Чевенгур: Роман; Котлован: Повесть. Ред. Н. М. Малыгина. Москва: Время, 2011. С. 436

¹²² Дужина, Наталья Ильинична. *Путеводитель по повести А.П. Платонова «Котлован»: Учебное пособие. Школа вдумчивого чтения*. Москва: Издательство Московского университета, 2010. с. 91.

¹²³ На момент написания повести (1929 год) Троцкий уже был выслан из СССР как политический враг, а его образ постепенно приобретал черты негативной карикатуры абстрактного «врага».

по-прежнему фанатично преданным идеям революции¹²⁴, видит в Пашкине классового врага, и постоянно требует от того все большей пенсии и лучшего обеспечения продуктами. Классовая борьба в представлении Жачева заключается в том, что эти продукты он на самом деле просто переводит (например, смазывает колеса тележки сливочным маслом), чтобы «лишняя сила не прибавлялась в буржуазное тело». И хотя Пашкин удовлетворяет все требования инвалида, тот продолжает приезжать к нему домой и угрожать, оскорблять его и его жену, портить его имущество («надейтесь на кирпич в живот» и т. д.). Далее важно заметить, что для того чтобы усмирить Жачева, жена Пашкина предлагает ему найти для того хоть какую-нибудь должность в партии, поскольку «каждому человеку нужно иметь хоть маленькое господствующее значение, тогда он спокоен и приличен»¹²⁵. Эта фраза говорит о том, что основные ценности и источник жизненного смысла для персонажей вроде Пашкина заключаются в обладании властью и обеспечении собственного благополучия за счёт других.

Другим представителем бюрократии в повести является Активист. В отличие от Пашкина, у Активиста даже нет имени — это указывает на то, что он является всего лишь обобщённым образом фанатичного партийного работника¹²⁶. Внешность героя описана довольно схематично, упоминается лишь то, что он обладает «подозрительным взглядом» и «истощённой нагрузками грудью». Активист живёт в деревне, куда отправили нескольких рабочих с котлована для помощи при коллективизации. Все своё время Активист проводит за различной бюрократической работой и фиксирует каждое незначительное событие. Даже по ночам он изучал новые директивы сверху, читая каждую из них «с любопытством будущего наслаждения, точно подглядывал в страстные тайны взрослых, центральных людей»¹²⁷. При этом в руководстве Активиста не уважали, называя «упущенцем и головотяпом». И хотя иногда у него возникала мысль «пойти в массу, забыться общей, руководимой жизни», он быстро от неё избавлялся. Он знал, что его номенклатурная должность обеспечивает ему более выгодное положение в обществе и в жизни, и поэтому он «не хотел быть членом общего сиротства и боялся долгого томления по социализму»¹²⁸. Более того, мысль о потере какой бы то ни было власти очень огорчала Активиста: при виде печати с изображением земного шара, который должен был вскоре перейти «в четкие, железные руки», на его глаза наворачивались слезы, поскольку тогда он «останется без

¹²⁴ См. Страница 32.

¹²⁵ Платонов, А. П. Чевенгур: Роман; Котлован: Повесть. Ред. Н. М. Малыгина. Москва: Время, 2011. С. 438

¹²⁶ Chlupáčová, Kamila, and Miluše Zdražilová. *Texty a kontexty Andreje Platonova*. Acta Universitatis Carolinae 144. Praha: Univerzita Karlova v Praze--Nakladatelství Karolinum, 2005. с. 171

¹²⁷ Платонов, А. П. Чевенгур: Роман; Котлован: Повесть. Ред. Н. М. Малыгина. Москва: Время, 2011. С. 473

¹²⁸ Там же.

влияния на всемирное тело земли»¹²⁹. И хотя Активист с подобострастием относится к высшему руководству, он все же считает себя «умнейшим человеком на данном этапе села», являясь, по своему мнению, «самым идеологичным». В своём желании точно следовать директивам, Активист распространяет партийную логику даже на язык, который преподаёт безграмотным крестьянам: «— Зачем они твёрдый знак пишут? — сказал Воцев. Активист оглянулся. — Потому что из слов обозначаются линии и лозунги и твёрдый знак нам полезней мягкого. Это мягкий нужно отменить, а твёрдый нам неизбежен: он делает жёсткость и чёткость формулировок»¹³⁰. В повести Активист является тем персонажем, чей образ можно считать однозначно негативным и к тому же совершенно схематичным. Многие исследователи считают, что Активист представляет собой образ, через который также раскрывается мотив религиозного сознания¹³¹. Сам Активист — фанатик, слепо верящий в идею. Но в то же время в глазах «масс» его образ приобретает черты одновременно и Бога, и Антихриста — того, кто имеет право решать, кому позволено жить, а кому следует умереть¹³². На это символически указывает сцена, когда стоя на крыльце перед колхозом со своим фонарём, Активист от «собственного света не видел разной мелочи на лицах людей, но зато его самого наблюдали все с ясностью»¹³³. Именно Активист решал, кому предстоит вступить в колхоз, а кого отправить «на плот». Однако так или иначе процесс коллективизации приводит крестьян к смерти.

Негативные черты характера героя особенно явно проявляются в эпизоде после «мероприятия по ликвидации зажиточного бесчестья», когда Активист надеялся на повышение по службе. Однако в очередной директиве, напротив, было сказано, что тот является «вредителем партии, объективным врагом пролетариата и должен быть немедленно изъят из руководства навсегда». Эта новость привела его в отчаяние, и тогда он даже снял с больной девочки свой пиджак: ведь «раз его устраняют, пусть массы сами греются»¹³⁴. За это он был убит Чиклиным ударом в грудь. В этом эпизоде внезапно развенчивается «божественная» сущность Активиста¹³⁵, о которой упоминалось нами выше: и если раньше

¹²⁹ Платонов, А. П. Чевенгур: Роман; Котлован: Повесть. Ред. Н. М. Малыгина. Москва: Время, 2011. С. 473

¹³⁰ Платонов, А. П. Чевенгур: Роман; Котлован: Повесть. Ред. Н. М. Малыгина. Москва: Время, 2011. С. 488-489

¹³¹ Булыгин, А. К., А. Г. Гуштин. *Плач об умершем боге. Повесть-притча А. Платонова 'Котлован'*. Санкт-Петербург: Борей-Принт, 1997. с. 37

¹³² Chlupáčová, Kamila, and Miluše Zdražilová. *Texty a kontexty Andreje Platonova*. Acta Universitatis Carolinae 144. Praha: Univerzita Karlova v Praze--Nakladatelství Karolinum, 2005. с. 171

¹³³ Платонов, А. П. Чевенгур: Роман; Котлован: Повесть. Ред. Н. М. Малыгина. Москва: Время, 2011. С. 497

¹³⁴ Платонов, А. П. Чевенгур: Роман; Котлован: Повесть. Ред. Н. М. Малыгина. Москва: Время, 2011. С. 525

¹³⁵ Chlupáčová, Kamila, and Miluše Zdražilová. *Texty a kontexty Andreje Platonova*. Acta Universitatis Carolinae 144. Praha: Univerzita Karlova v Praze--Nakladatelství Karolinum, 2005. с. 173

«вся всемирная истина, весь смысл жизни помещались только в нем и более нигде», то теперь и его тело, подобно «кулацкому эшелону» сплавляли вниз по реке.

Среди землекопов на котловане, формально не относящихся к партийной номенклатуре, тоже есть герои, которые в силу определённых особенностей могут быть отнесены к числу людей «нового времени». В частности таковыми можно считать рабочих Сафронов и Козлов. Этих героев объединяет ряд значительных общих черт и схожая роль в сюжете повести. Сафронов является профсоюзным активистом и одним из мастеровых. Считается, что фамилия героя образована от греческого имени «Софрон», которое переводится как «благоразумный»¹³⁶. На это указывает также его свойство давать нравоучения другим героям; к тому же именно он установил в бараке привезённое Пашкиным радио, которое призывает «мобилизовать все ресурсы для социалистического строительства». Сам Сафронов с энтузиазмом слушал по радио даже самые нелепые директивы (как например о необходимости «мобилизовать крапиву» или «обрезать хвосты лошадей») и жалел лишь о том, что он «не может говорить обратно в трубу». Его образ, наделен преимущественно сатирическими чертами. Как уже было сказано, Сафронов является фанатичным последователем «генеральной линии»: его мышление поверхностно, а речь состоит из различных клише; более того, Сафронов считает уместным навязывать свою точку зрения окружающим и пренебрежительно относится к интеллигенции.

Однако даже у него возникали сомнения в возможности достижения «счастья будущего», которое ему представлялось как «синее лето, освещённое неподвижным солнцем»¹³⁷, в то время как окружающая реальность оставалась тусклой и безнадёжной. И тем не менее, этого было недостаточно для того, чтобы заставить Сафронова задуматься об осмысленности всего происходящего: будучи главным сторонником «генеральной линии», Сафронов продолжает верить в неминуемую победу идеологии, к чему также призывает окружающих: «Пролетариат живёт для энтузиазма труда, товарищ Воцев!»). К тому же, подобно Активисту, Сафронов уверен в своём превосходстве над «массами»: «Эх ты, масса, масса. Трудно организовать из тебя скелет коммунизма! И что тебе надо? Стерве такой? Ты весь авангард, гадина, замучила!»¹³⁸. Так, Сафронов представляет из себя утрированный тип рабочего, фанатично преданного идеям марксизма, во всяком случае в том виде, в каком его преподносит «генеральная линия», и является нетерпимым к проявлениям несогласия.

¹³⁶ Булыгин, А. К., А. Г. Гушин. Плач об умершем боге. Повесть-притча А. Платонова 'Котлован'. Санкт-Петербург: Борей-Принт, 1997. с. 37

¹³⁷ См. Страница 27.

¹³⁸ Платонов, А. П. Чевенгур: Роман; Котлован: Повесть. Ред. Н. М. Малыгина. Москва: Время, 2011. С. 456

Другим персонажем, важным для нас в данной главе, является Козлов. В начале повести Козлов предстаёт больным и немощным рабочим, едва ли способным работать. Другие землекопы относятся к нему пренебрежительно и обсуждают его за спиной, в частности, уязвляя его в том, что он «не имеет женщины и любит себя под одеялом». «Козлов» - это типичная русская фамилия, однако в научной литературе существует несколько различных мнений насчёт её значения. Одной из интерпретаций является мнение о том, что с козлом обычно сравнивают неприятных, подлых и хитрых людей¹³⁹. Эта гипотеза оправдана в контексте произведения: в повести Козлов сумел подняться по карьерной лестнице, из простого землекопы и «скота» превратившись в довольно значительное лицо. Однако добился таких успехов герой не упорным трудом или выдающимися умственными способностями, а способностью к шантажу и доносительству, а также умением подстраиваться под постоянно изменяющиеся директивы «генеральной линии». Каждое утро Козлов читал книги и старался запомнить «формулировки, лозунги, стихи, заветы, всякие слова мудрости, тезисы различных актов, резолюций, строфы песен и прочее»¹⁴⁰, после чего он «шёл в обход органов и организаций, где его знали и уважали как активную общественную силу, — и там Козлов пугал и так уже напуганных служащих своей научностью, кругозором и подкованностью»¹⁴¹. Козлов шантажировал также и Пашкина, на которого написал донос, угрожал «жалобой» Сафронову, так как не терпел каких-либо отклонений от необходимых формальностей. Если до начала своей карьеры Козлов рассматривался как «беспольный» в силу физической немощности человек, то впоследствии он приобретает зловредные черты, становясь скорее паразитом, добивающимся незаслуженного успеха при помощи шантажа и вымогательства.

Следующая трактовка его имени отсылает к «козлу отпущения» - животному, на которое символически возлагали грехи всего народа, а после отпускали умирать в пустыню¹⁴². Здесь можно вновь вспомнить о Сафронове и о той роли в сюжете повести, которую выполняют оба героя. Изначально Сафронов и Козлов недолюбливали друг друга, однако когда Пашкин решил отправить в колхоз «нечто особенное из рабочего класса», выбор пал именно на них. Однако вскоре после прибытия стало известно, что они оба были «убиты в избушке». Смерть героев мгновенно приобретает сакральный характер: из тела

¹³⁹ Булыгин, А. К., А. Г. Гушин. Плач об умершем боге. Повесть-притча А. Платонова 'Котлован'. Санкт-Петербург: Борей-Принт, 1997. с. 115

¹⁴⁰ Платонов, А. П. Чевенгур: Роман; Котлован: Повесть. Ред. Н. М. Малыгина. Москва: Время, 2011. С. 467

¹⁴¹ Платонов, А. П. Чевенгур: Роман; Котлован: Повесть. Ред. Н. М. Малыгина. Москва: Время, 2011. С. 468

¹⁴² Булыгин, А. К., А. Г. Гушин. Плач об умершем боге. Повесть-притча А. Платонова 'Котлован'. Санкт-Петербург: Борей-Принт, 1997. с. 117

лежали в здании сельсовета, освещённые «лампой для заседаний», «на столе президиума, покрытые знаменем до подбородков, чтобы не были заметны их гибельные увечья и живые не побоялись бы так же умереть». После убийства двоих героев крестьянами, отношение к ним остальных землекопов внезапно изменилось. Чиклин, недолголюбивавший обоих, внезапно заявил: «равно я ведь остался, буду теперь, как ты [Сафронов]; стану умнеть, начну выступать с точкой зрения, увижу всю твою тенденцию, ты вполне можешь не существовать... <...> А ты, Козлов, тоже не заботься жить. Я сам себя забуду, но тебя начну иметь постоянно. Всю твою погибшую жизнь, все твои задачи спрячу в себя и не брошу их никуда, так что ты считай себя живым. Буду день и ночь активным, всю организационность на заметку возьму, на пенсию стану, лежи спокойно, товарищ Козлов!»¹⁴³. Даже Жачев, ненавидевший обоих (и в частности Козлова как «рвущуюся вперед сволочь»), после их смерти начал «плакать громадными слезами». Таким образом, Сафронов и Козлов становятся своего рода «козлами отпущения», жертвами, являющимися носителями определённой идеи, вредоносной с точки зрения крестьян, за что с ними и расправились деревенские «вредители»¹⁴⁴. Возвращаясь к словам Чиклина, сказанным над гробом товарищей, можно также сказать, что качества этих двух героев в некотором смысле действительно перешли к остальным участникам коллективизации и легли в основу её процесса. Смерть Козлова и Сафронова становится скорее символическим толчком к продолжению коллективизации, а их беспринципность, агрессия и фанатизм становятся основой для методов, применяемых при ней.

Помимо карикатурных типов, обличающих негативные черты «активистов» эпохи коллективизации, в повести присутствует ещё два персонажа, которые могут быть отнесены к категории «нового» человека — это девочка Настя и медведь-молотобоец. Многие исследователи отмечали, что нередко действующие лица проз Платонова являются лишёнными какой-либо реалистической правдоподобности. Это обусловлено тем, что они представляют собой скорее «носителей определённой идеи», нежели портретные описания реальных людей¹⁴⁵. Однако если большинство описанных в работе героев могло обладать определёнными прототипами в реальности, то образы медведя и «эсесерши» таковых не имеют. Введение в сюжет в качестве персонажа животное, наделённое человеческими

¹⁴³ Платонов, А. П. Чевенгур: Роман; Котлован: Повесть. Ред. Н. М. Малыгина. Москва: Время, 2011. С. 475

¹⁴⁴ Булыгин, А. К., А. Г. Гушин. Плач об умершем боге. Повесть-притча А. Платонова 'Котлован'. Санкт-Петербург: Борей-Принт, 1997. с. 118

¹⁴⁵ Гюнтер, Ханс. *По Обе Стороны От Утопии. Контексты Творчества А. Платонова*. Научная Библиотека, Выпуск 105. Москва: Новое литературное обозрение, 2012. с. 79

чертами окончательно лишает повесть реализма и придаёт ей гротескные черты¹⁴⁶. Когда остальных героев приводят в кузницу, где работает «самый угнетённый батрак», ни у кого, кроме товарища Пашкина, не вызывает удивления тот факт, что они видят перед собой животное. Напротив, рабочие рассматривают его как своего полноправного коллегу. И хотя он обладает способностью к производительному труду, он лишён самого главного элемента «человечности» – умения говорить и мыслить. Свойственна ему и звериная жестокость, как показано, например, в сцене раскулачивания: « <...> медведь обнял поудобней тело мужика и, сжав его с силой, что из человека вышло нажитое сало и пот, закричал ему в голову на разные голоса — от злобы и наслышки молотобоец мог почти разговаривать»¹⁴⁷.

Тем не менее, в «Котловане», как и во многих других произведениях Платонова, не существует непреодолимой границы между человеком и животным. На примерах двух героев повести – непосредственно медведя и Юлии, можно наблюдать, что в мире «Котлована» животное в благоприятных условиях может очеловечиться, в то время как униженный и угнетённый человек, напротив, может деградировать до уровня животного. Буржуйка Юлия перед смертью описывается как «обрастающее шкурой животное», ноги которого «были покрыты шерстью». Медведь же, напротив, становится тружеником и даже приобретает имя: другие герои называют его «Мишей» или «Михаилом», а в финале повести он даже обретает фамилию — «Медведев». При этом уважительное и «товарищеское» отношение к герою нарастает с течением сюжета. Если в начале повести другой кузнец называл его просто «Миша» («Скорее, Миш, а то мы с тобой ударная бригада!»), то уже в эпизоде после сплавления по реке «зажиточного бесчестья» он упоминается не иначе, как «Михаил». По мнению А. Булыгина, такая перемена обусловлена тем, что вместе с избавлением от «кулаков» произошло также и нарушение старой системы ценностей. В новом же мире даже медведь становится полноценным пролетарием, а сам пролетариат «обретает ореол сакральности»¹⁴⁸. В то же время в описании молотобойца присутствует парадокс: и хотя герой буквально является животным, Платонов описывает его так, словно речь идёт о человеке: медведь обладает «утомлённым пролетарским лицом» и работает по звону колокола, так как «обожает дисциплину». Считается, что профессия молотобойца была дана герою неслучайно: во-первых, молот является одним наиболее распространённых символов коммунизма; во-вторых, есть мнение, что сама по себе роль кузнеца имеет

¹⁴⁶ Булыгин, А. К., А. Г. Гущин. Плач об умершем боге. Повесть-притча А. Платонова 'Котлован'. Санкт-Петербург: Борей-Принт, 1997. с. 128

¹⁴⁷ Платонов, А. П. Чевенгур: Роман; Котлован: Повесть. Ред. Н. М. Малыгина. Москва: Время, 2011. С. 504-505

¹⁴⁸ Булыгин, А. К., А. Г. Гущин. Плач об умершем боге. Повесть-притча А. Платонова 'Котлован'. Санкт-Петербург: Борей-Принт, 1997. с. 131

символическое значение, ведь «как бесформенный металл получал под ударами кузнеца форму, превращаясь в нужные детали, так, казалось, и весь мир со всем его несовершенством под воздействием созидающей воли рабочего класса преобразуется в идеальное общество»¹⁴⁹. Подобно Шарикову из «Собачьего сердца», медведь-Михаил становится олицетворением получеловека-полуживотного, созданного экспериментами новой эпохи. Медведь способен к труду, и более того: он трудится с большим усилием и упорством, чем лишь портит железо, которое куёт («Лупишь по железу, как по стерве, а оно ведь тоже добро! Так не дело!», «Уморись, идол шерстяной!»). Такие воспетые новой эпохой качества, как сила и энтузиазм оказываются бесполезными и разрушительными, когда они не подкреплены какой-либо духовной основой.

И наконец, ключевым персонажем в повести является девочка Настя. В «Котловане» тема взаимоотношений ребёнка с новым миром выступает одним из основных мотивов. Связано это с тем, что в 1920-е годы наступление «коммунистической эры» казалось вполне реальной перспективой, при этом большие надежды возлагались именно на молодые поколения. Особое внимание уделялось вопросам воспитания и образования — которое должно было перейти из рук семьи в руки государства. В своей речи на третьем съезде комсомола Ленин утверждал, что люди, которым в настоящий момент "около 50 лет", не могут рассчитывать на жизнь в коммунизме. Однако его застанет подрастающее поколение: «оно и увидит коммунистическое общество, и само будет строить это общество»¹⁵⁰. Так, предполагалось, что именно те люди, которые с самого начала были воспитаны в духе коллективизма, смогут построить по-настоящему коммунистическое общество и достигнуть поставленной цели. И хотя биография девочки типична для ребёнка непролетарского происхождения, она имеет выраженные аллегорические черты: Настя в повести является скорее символом будущего как такового, «фактическим социализмом» и «будущим радостным предметом», нежели образом реального человека. Этим и обусловлено особое отношение остальных лиц к Насте: её история — это история формирования не только нового человека, ради благополучия которого трудятся остальные герои повести, но и будущего как такового. Помимо того существует и мнение, что Настя олицетворяет революционную мечту автора¹⁵¹. Как было отмечено многими исследователями, имя «Анастасия» переводится с греческого как «воскресшая»¹⁵². Эта интерпретация напрямую

¹⁴⁹ Там же.

¹⁵⁰ Ленин, В. И. Полное собрание сочинений. 5-е изд. М.: Политиздат, 1974. С. 305.

¹⁵¹ Геллер, Михаил. *Андрей Платонов в Поисках Счастья*. Париж: УМСА-Press, 1982. с. 271

¹⁵² Дужина, Наталья Ильинична. *Путеводитель по повести А.П. Платонова «Котлован»: Учебное пособие*. Школа вдумчивого чтения. Москва: Издательство Московского университета, 2010. с. 29

связана с ролью девочки в сюжете: Настя была спасена от гибели Чиклиным, который вывел её на землю из «гроба», где осталась лежать её умершая мать — буржуйка Юлия. После этого девочка оказывается на стройке, где она становится для рабочих своего рода символом того самого будущего, «общепролетарского дома», строительством которого они занимаются. При этом для Насти характерны такие черты как сиротство и оторванность от прошлого — она не знает своего отца и отрекается от своей матери «буржуйки». Интересно заметить, что Платонов никогда не отрицал, что советская Россия была «рождена буржуазией». В одной из своих ранних статей он призывает «отрубить прошлое от грядущего, раз навсегда забыть вчерашний день, сделать человеческий мир действительно коммунистическим»¹⁵³, и далее уточняет, что «для того чтобы мир стал новым, пусть станет новым человек, пусть почувствует каждый, что он теперь не тот, не прежний, не ветхий, *а воскресший*, счастливый и единственный»¹⁵⁴. Мнение из этой статьи прямо противоположно мыслям о «сохранении памяти», характерным для зрелой прозы Платонова. В той же статье автор уточняет, что для будущего благополучия необходимо дать массам «пролетарское же сознание жизни, пролетарское сознание долга, и тогда придёт все остальное — и хороший транспорт, и ладное хозяйство <...>»¹⁵⁵. Этот мотив отражён и в образе Насти и её взаимодействии с некоторыми героями. Автор называет её не иначе как «социализм в босом теле», и отмечает, что её положение вызвано действиями таких людей, как Пашкин, демонстрируя контраст между благоустроенностью номенклатуры и нищетой народа: «Наклонись, стервец, к её костям, откуда ты сало съел! — Факт!». При этом, будучи олицетворением будущего, Настя имеет ряд негативных черт: она жестокая, грубая, повторяющая пропагандистские лозунги («плохих людей всех убивать, а то хороших очень мало»). Именно Настя призывает героев к продолжению коллективизации: «Ликвидируй кулака как класс. Да здравствует Ленин, Козлов и Сафронов. Привет бедному колхозу, а кулакам нет»¹⁵⁶. После успешного сплавления «кулаков» по реке происходит народная пляска, во время которой Настя простужается и впадает в горячку, в которой внезапно вспоминает о своей матери: «Я опять к маме хочу!». Становится очевидно, что без прошлого невозможно построить будущее; что цель не оправдывает средства, и что посредством жестокости и насилия невозможно достичь никакой благородной цели — и в итоге Настя погибает. По мнению М. Геллера, «День смерти Насти, день рождения колхоза и ликвидации «неорганизованных», — это, для

¹⁵³ Платонов А.П. Воспитание коммунистов // 1920. Режим доступа: <http://platonov-ap.ru/publ/vospitanie-kommunistov/> (дата обращения: 03.04.2023)

¹⁵⁴ Там же.

¹⁵⁵ Там же.

¹⁵⁶ Платонов, А. П. Чевенгур: Роман; Котлован: Повесть. Ред. Н. М. Малыгина. Москва: Время, 2011. с. 483

Платонова, «второй день», когда реальность отделяется от мечты, когда мечта, надежда и вера умирают, остаётся страшная действительность»¹⁵⁷. Таким образом, смерть девочки знаменует собою смерть мечты и веры в будущее, ради которого трудились землекопы. Чиклин «пятнадцать часов» роет для неё могилу, чтобы «в неё не сумел бы проникнуть ни червь, ни корень растения, ни тепло, ни холод и чтоб ребёнка никогда не побеспокоил шум жизни с поверхности земли», и кладёт сверху «гранитную плиту, дабы на девочку не лёг громадный вес могильного праха»¹⁵⁸ — вероятно, всё ещё храня надежду на её воскресение. Тем временем рабочие в финале повести продолжают рыть все расширяющийся котлован «с таким усердием жизни, будто хотели спастись навеки в пропасти котлована»¹⁵⁹.

Так, «общепролетарский дом», который должен был стать воплощением мечты целого поколения, не был построен: напротив, котлован лишь продолжал увеличиваться в размерах, превратившись в огромную могилу. Параллельно с темой поиска истины, на протяжении всей повести раскрывается тема становления «нового человека». Однако и то, и другое начало неизбежно приводит в тупик, и заканчивается либо смертью — как это произошло с Козловым, Сафроновым или Настей, либо, — в случае Воцева, — духовной опустошённостью. Таким образом, ставится под сомнение и лишается всякого смысла не только идея, во имя которой живут и работают герои, но и возможность будущего в мире, отказавшемся от прошлого.

¹⁵⁷ Геллер, Михаил. *Андрей Платонов в Поисках Счастья*. Париж: YMCA-Press, 1982. с. 271

¹⁵⁸ Платонов, А. П. Чевенгур: Роман; Котлован: Повесть. Ред. Н. М. Малыгина. Москва: Время, 2011. с. 534

¹⁵⁹ Платонов, А. П. Чевенгур: Роман; Котлован: Повесть. Ред. Н. М. Малыгина. Москва: Время, 2011 с. 533

Заключение

Таким образом, в данной работе мы смогли пронаблюдать то, в каких условиях менялись и развивались взгляды А. Платонова в течение 1920-х годов. Мы рассмотрели то, каким образом события и идеи эпохи могли повлиять на творчество автора, на характер «Котлована»; то, как в течение десятилетия Платонов прошёл путь от идеалиста-революционера до скептика, ставящего под вопрос цели и средства, выдвигавшиеся советской властью. Также мы выяснили то, в чём выражаются художественные особенности «Котлована», и те обстоятельства, которые осложняют определение жанра повести. Что самое главное для целей нашей работы, мы рассмотрели выделяемые исследователями типы персонажей, наиболее характерные для платоновских проз.

В этой работе мы выяснили, что в категорию людей «старого времени» входят герои, по тем или иным причинам не сумевшие найти себе места в новом обществе, либо такие, которые были обществом не поняты и отвергнуты. Каждому из описанных во второй главе героев всегда недостаёт какого-либо качества, необходимого для возможности успешно достичь утопического «будущего». Бесплезность Вощева в новом обществе легко объяснима — ему мешает его «задумчивость» и стремление обрести некий смысл жизни, без которого он не может работать и существовать в принципе. Другие герои, такие как Чиклин, Прушевский и Жачев — это люди, которым отведена своя чётко обозначенная роль в построении «будущего». Чиклин - герой, способный к действию, но неспособный к мысли, живущий лишь по указаниям других, однако при этом усердно работающий. Жачев — инвалид гражданской войны, будучи неспособным к работе, оказывается бесполезным в новом обществе; его же яростная приверженность идеям революции воспринимается другими героями как признак неадекватности. Прушевский оказывается в той ситуации, когда его идеи теряют ценность, а его оригинальный проект постоянно подвергается коррективам со стороны партийного функционера Пашкина; эти коррективы делают проект «общепролетарского дома» все более масштабным, но одновременно всё менее выполнимым. Инженер погружён в свои мысли и идеи, оторван от реальности и бездействует, чем способствует катастрофическим событиям.

Тем временем представители типа «нового человека» в мире «Котлована», в большинстве своём являются представителями власти, либо теми, кто желает к ним примкнуть. Среди них бюрократы Лев Ильич Пашкин и Активист, чьей главной целью

является сохранение своей власти и обеспечение себя материальными благами за счёт других. По тому же принципу к этой категории можно отнести землекопов Козлова и Сафронова, которые добиваются более высокого положения при помощи своей способности к доносу и уменью подстраиваться под постоянно изменяющиеся директивы «генеральной линии», а также Медведя — жестокого получеловека-полуживотного, созданного новым режимом. Отдельное место в сюжете занимает Настя — символ не только нового человека, но и самой веры в будущее. При этом девочка наделена множеством неблагоприятных качеств; ей свойственно повторять заученные лозунги, именно она побуждает героев продолжать коллективизацию любой ценой. Однако в конце повести Настя погибает, что символизирует смерть мечты и веры в будущее, ради которого трудились землекопы.

Так, «общепролетарский дом», который должен был стать воплощением мечты целого поколения, не был построен: напротив, котлован лишь продолжал увеличиваться в размерах, превратившись в огромную могилу. Вместе с темой строительства будущего, на протяжении всей повести раскрывается тема становления «нового человека». Однако и то, и другое начало, будучи лишённым «любви к ближнему» - к настоящему времени и людям в нем, неизбежно приводит в тупик, и заканчивается либо смертью — как это произошло с Козловым, Сафроновым или Настей, либо, — в случае Вощева, — духовной опустошённостью. И все же несмотря на такую мрачную концовку повести, Платонов даёт читателю надежду: взяв на руки мёртвое тело Насти и прижав его к себе, Вощев понимает, что «нашёл больше того, чем искал». Тогда Чиклин «пятнадцать часов» роет могилу для неё, чтобы туда «не сумел бы проникнуть ни червь, ни корень растения, ни тепло, ни холод и чтоб ребёнок никогда не побеспокоил шум жизни с поверхности земли»¹⁶⁰, и кладёт сверху «гранитную плиту, дабы на девочку не лёг громадный вес могильного праха», что наводит читателя на мысль, что когда-нибудь наступит время, когда Настя вновь воскреснет, а вместе с ней воскреснут надежды на по-настоящему счастливое будущее.

¹⁶⁰ Платонов, А. П. Чевенгур: Роман; Котлован: Повесть. Ред. Н. М. Малыгина. Москва: Время, 2011. с. 534

Библиография

Литература:

1. Chlupáčová, Kamila, and Miluše Zdražilová. *Texty a kontexty Andreje Platonova*. Acta Universitatis Carolinae 144. Praha: Univerzita Karlova v Praze--Nakladatelství Karolinum, 2005.
2. Seifrid, Thomas. *A Companion to Andrei Platonov's The Foundation Pit*. Studies in Russian and Slavic Literatures, Cultures and History. Boston, Mass: Academic Studies Press, 2009.
3. Бердяев, Николай. *Истоки и Смысл Русского Коммунизма*. Москва: Наука, 1990.
4. Булыгин, А. К., А. Г. Гущин. *Плач об умершем боге. Повесть-притча А. Платонова 'Котлован'*. Санкт-Петербург: Борей-Принт, 1997.
5. Геллер, Михаил. *Машина и Винтики. История Формирования Советского Человека*. London: Overseas Publications Interchange, 1985.
6. Геллер, Михаил. *Андрей Платонов в Поисках Счастья*. Париж: YMCA-Press, 1982.
7. Гюнтер, Ханс. *По Обе Стороны От Утопии. Контексты Творчества А. Платонова*. Научная Библиотека, Выпуск 105. Москва: Новое литературное обозрение, 2012.
8. Гюнтер, Ханс. 'Революция — Утопия — Апокалипсис. Социальные Аспекты Утопического Сознания.' *Международный Журнал Исследований Культуры Русская утопия*, no. 4(9) (2012).
9. Дужина, Наталья Ильинична. *Путеводитель по повести А. П. Платонова «Котлован»: Учебное пособие*. Школа вдумчивого чтения. Москва: Издательство Московского университета, 2010.
10. Заваркина, Марина. 'Утопия Как Антиутопия (Повесть Андрея Платонова «Хлеб и Чтение）」'. Ред. Петрозаводский государственный университет. *Проблемы Исторической Поэтики* 19, no. 2 (Май 2021).
11. Корниенко, Н. В. *История Текста и Биография А. П. Платонова (1926- 1946)*. Москва: Журнал «Здесь и Теперь», 1993.
12. Корниенко, Н. В., Е.Д. Шубина, *Андрей Платонов. Воспоминания Современников. Материалы к Биографии*. Москва: Современный писатель, 1994.
13. Малыгина, Н. М. *Художественный мир Андрея Платонова: учебное пособие*. Москва: Московский педагогический университет, 1995.
14. Никольский, С. А., РАН, *Размышляя о Платонове*. Москва: Голос, 2019.
15. Платонов, А. П., Н. А. Грознова. *Котлован: Текст, Материалы Творческой Истории*. Санкт-Петербург: Наука, 2000.
16. Платонов, А. П., Н. В. Корниенко. *Андрей Платонов: Я прожил жизнь. Письма. 1920-1950 гг.* Ред. Е. Д. Шубина. Наследие Андрея Платонова. Москва: АСТ, 2014.
17. Кириллова И.В. Типология героев Платонова. *Известия ВГПУ*, 2007, No 5.

Источники:

1. Платонов, А. П. *Чевенгур: Роман; Котлован: Повесть*. Ред. Н. М. Малыгина. Москва: Время, 2011.
2. Платонов, А. П., Н. М. Малыгина. *Усомнившийся Макар: рассказы 1920-х годов, стихотворения*. Собрание / Андрей Платонов. Москва: Время, 2011.
3. Платонов А.П. Нормализованный работник // 1920. Режим доступа: <http://platonov-ap.ru/publ/normalizovannyi-rabotnik/>
4. Платонов А.П. Душа мира // 1920. Режим доступа: <http://platonov-ap.ru/publ/dusha-mira/>
5. Платонов А.П. Вечная жизнь // 1920. Режим доступа: <http://platonov-ap.ru/publ/vechnaya-zhizn/>
6. Платонов А.П. Воспитание коммунистов // 1920. Режим доступа: <http://platonov-ap.ru/publ/vospitanie-kommunistov/>
7. Горький М. Две пятилетки // Правда, №98, 1935. Режим доступа: <http://gorkiy-lit.ru/gorkiy/articles/article-10.htm>
8. Луначарский А. В. Основы позитивной эстетики. Собрание Сочинений, 1904. Режим доступа: <http://lunacharsky.newgod.su/lib/ss-tom-7/osnovy-pozitivnoj-estetiki/>
9. Луначарский А. В. Воспитание нового человека, 1928. Режим доступа: <http://lunacharsky.newgod.su/lib/o-vospitanii-i-obrazovanii/vospitanie-novogo-cheloveka/>
10. Луначарский А. В. Христианство или коммунизм?, 1926. Режим доступа: <http://lunacharsky.newgod.su/lib/religia-i-prosvesenie/hristianstvo-ili-kommunizm/>
11. Ленин, В. И. Полное собрание сочинений. 5-е изд. М.: Политиздат, 1974.
12. Б. Костелянец. Фальшивый гуманизм: [О сб. рассказов А. Платонова “Река Погудань”]. Журнал "Звезда" №2. 1938
13. К. Маркс, Ф. Энгельс. *Принципы коммунизма: манифест коммунистической партии*. Москва: Издательство ИТРК, 2007.